

372 (чув.)
К 28
16722

Касаткин М. В.

НАЧАЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА

ДЛЯ ЧУВАШЬ

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Докладъ училищному совѣту и XLIX Земскому собранію
Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи.

(23 августа и 25 сентября 1913 года).

СОСТАВИЛЪ

Инспекторъ народныхъ училищъ

М. В. КАСАТКИНЪ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.
1914.

३५५६

16722

A

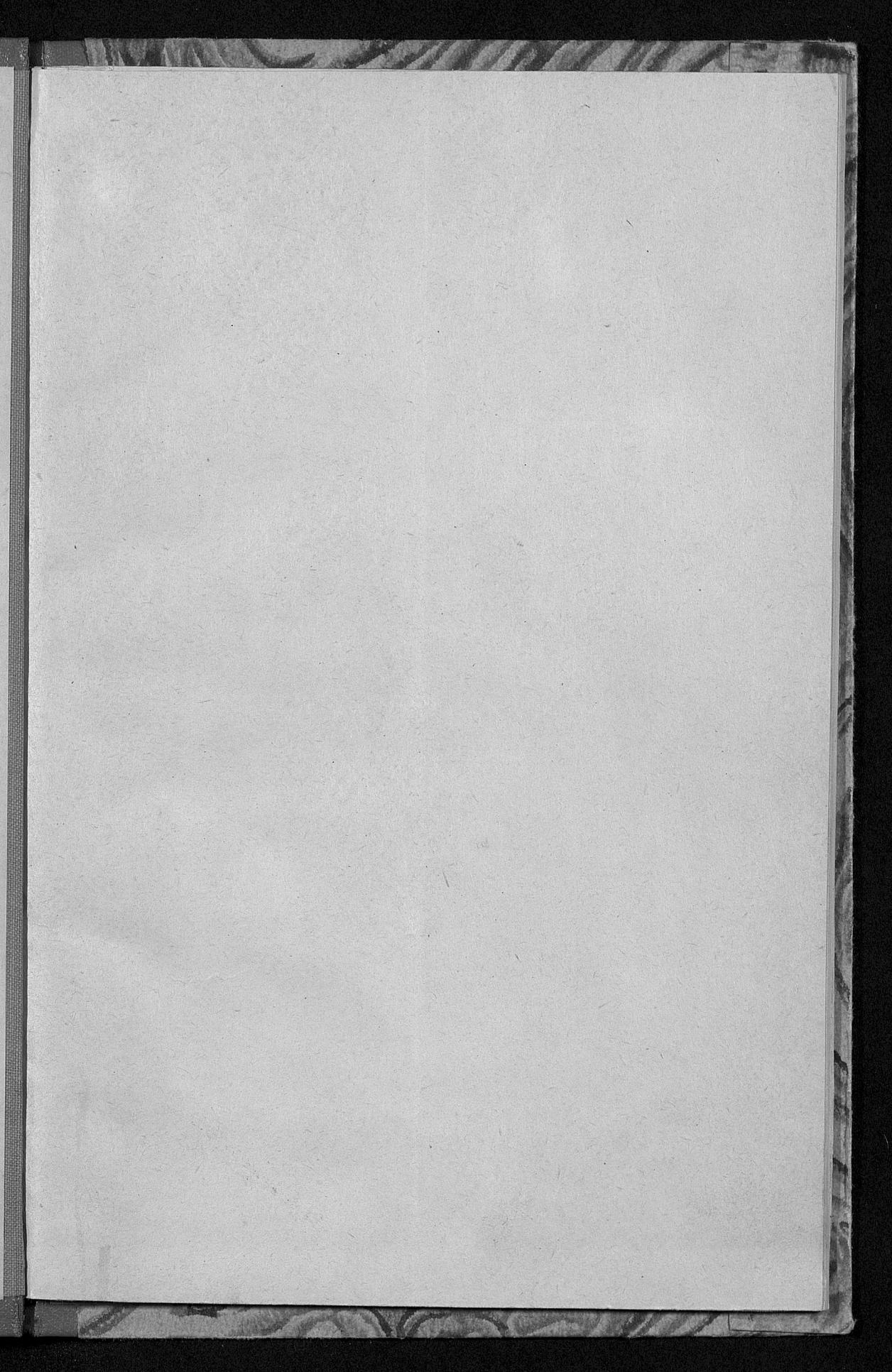
✓

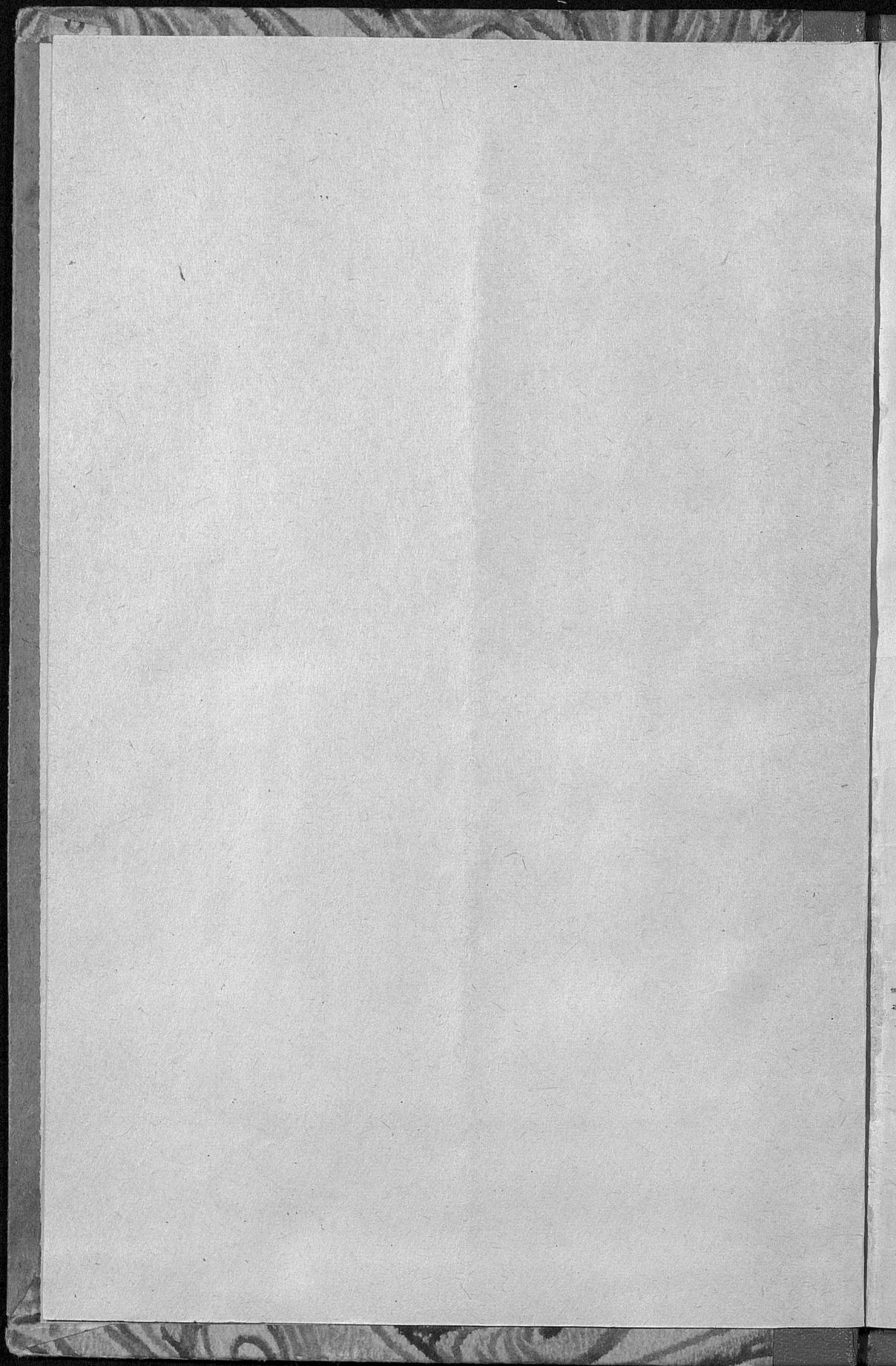
✓

✓

•

•

Сараишкы и есенду, но пьото
не по территориям урдов, а по
территориям ердеу Мох
хольу Нововолгу Горькову.

НАЧАЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА

к 73
116

ДЛЯ ЧУВАШЬ

372

K-28

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Докладъ училищному совѣту и XLIX Земскому собранію
Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи.

(23 августа и 25 сентября 1913 года).

СОСТАВИТЕЛЬ

М. В. КАСАТИНЪ.

16722

+

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.
1914.

10

10

ваній придавать особую важность. Въ русскомъ государствѣ среди равныхъ подданныхъ одинаго русскаго царя, въ области одной православной церкви—инородческій вопросъ звучить диссонансомъ: всѣ должны быть какъ бы одного рода—родные, близкіе между собою, хотя бы и говорили на разныхъ языкахъ; всѣ должны жить одною дружною семьею, хотя бы и были различныхъ вѣрованій, различнаго духовнаго роста. По нашему, нельзя назвать истиннымъ благодѣтелемъ инородческаго племени того человѣка, который намѣренно обособлялъ бы свое племя отъ главной народности въ государствѣ; *для племени, утратившаго навсегда возможность самостоятельнаго политическаго существованія и, что всего главнѣе, съ ложною вѣрою, отсутствіемъ науки и плодовъ просвѣщенія—единственное счастье—это свободно, открытымъ сердцемъ воспріять истинную вѣру главной народности, унаследовать ея духовныя богатства, скорѣе и тѣснѣе войти въ составъ ея семьи.*

Русскіе не ищутъ обрусенія инородцевъ, ибо знаютъ, что отъ этого ничего они не получаютъ; ничьей народности они не насилывали: не отнимали ни вѣры, ни языка у племенъ, вошедшихъ въ составъ ихъ государства, а, наоборотъ, стараясь передать имъ свѣтъ христіанства и плоды европейской культуры, сами изучали ихъ вѣру, языкъ нравы. Н. И. Ильминскій, отдавшій свои силы и способности инородцамъ, былъ не татаринъ, не чувашъ, а истинно русскій—православный. Всѣ эти соображенія и факты, освобождая насъ отъ упрековъ въ тенденціозности, необыкновенно ясно подсказываютъ, на какихъ началахъ цѣлесобразнѣе устраивать жизнь инородцевъ, и что нужно для окончательнаго, бесспорнаго рѣшенія, такъ называемаго инородческаго вопроса... *Нужно перестать считать инородцевъ за государство въ государствѣ, за церковь въ церкви и заботиться только объ ихъ истинномъ благе, а не преслѣдовать иныхъ цѣлей“¹⁾.*

Такъ писалъ человѣкъ крѣпкій по вѣрѣ, великій по уму, любвеобильный по сердцу; такъ писалъ человѣкъ совмѣщавшій въ себѣ полноту апостольской власти—преосвященный Никандръ, Епископъ Симбирскій и Сызранскій.

¹⁾ Миссіон. Обзоріе 1899 г. декабрь стр. 586—588.

Не смотря на хрустальную чистоту намбрений автора цитируемой статьи, не взирая на силу приводимых имъ основаній, въ дѣятельности просвѣтителей инородцевъ, вышедшихъ изъ той же инородческой семьи, довольно часто приходится наблюдать совершенно иное.

Пріѣзжаю я въ 1908 году въ школу, гдѣ Законоучитель Священникъ съ Казанскихъ миссіонерскихъ курсовъ и обнаруживаю, что онъ, начавъ съ учениками—первогодками изученіе Закона Божія на ихъ родномъ языкѣ, перешелъ уже къ преподаванію на русскомъ языкѣ, выучилъ по славянски краткія молитвы и безъ учебника со словъ, научилъ дѣтей ^{вслухъ} сказывать по русски ветхозавѣтную исторію отъ сотворенія міра до потопа.

По окончаніи учебнаго года Законоучитель этотъ былъ переведенъ въ другой приходъ, а его мѣсто занялъ питомецъ чувашской школы, который, не обращая ни какого вниманія на то, что, ученики младшаго отдѣленія учились уже второй годъ, а раньше проходили Законъ Божій на русскомъ языкѣ, повелъ преподаваніе на языкѣ чувашскомъ.

Не менѣе интересный случай мнѣ пришлось наблюдать въ одной изъ миссіонерскихъ церковно-приходскихъ школъ нашего уѣзда. Школа эта небольшая, находится, вблизи города и обслуживаетъ двѣ деревни: русскую и чувашско-татарскую. Законъ Божій въ ней преподаетъ, спеціально живущій въ этой деревнѣ при школѣ—церкви священникъ-миссіонеръ, а чтеніе, письмо и ариѣметику—псаломщикъ. Учащихся всего 25, изъ нихъ 11—чувашъ и 14—русскихъ. Когда я взошелъ въ школу въ ней былъ урокъ чтенія, при чемъ ученики младшаго отдѣленія и чуваша и русскіе читали „чувашскій букварь“ на 7 страницъ, а ученики старшаго—также чуваша и русскіе—читали по чувашскому молитвеннику тропарь, вондакъ и величаніе Рождеству Христову. Заинтересовавшись такимъ чтеніемъ, я переспросилъ по чтенію всѣхъ русскихъ мальчиковъ и убѣдился, что по чувашски они читаютъ ничуть не хуже природныхъ чувашъ.

Въ періодической печати встрѣчаются не менѣе интересные случаи:

Въ журналѣ, напримѣръ, „Дѣятель“ мы читаемъ: „На одной станціи Уфимской желѣзной дороги нужно было отслужить молебенъ. Пригласили священника изъ близъ лежа-

щаго чувашскаго села и онъ началъ служить молебень на чувашскомъ языкѣ, а когда ему заявили, что чувашъ на станціи нѣтъ, онъ отвѣтилъ: „учитесь молиться по—чувашски“¹⁾. А въ „Сотрудникѣ“ Казанскій викарій преосвященный Андрей пишетъ: „Въ Оренбургѣ въ свое время было открыто училище для киргизъ. Главнымъ инспекторомъ этой школы былъ назначенъ татаринъ-магометанинъ. Какъ ближайшій начальникъ, этотъ татаринъ сразу татаризировалъ школу: вся прислуга была набрана изъ татаръ, кушанья были татарскія, ученики брили головы, праздновали пятницу, а по воскресеньямъ учились магометанскому вѣроученію и татарскому языку“²⁾.

Случаевъ подобной дѣятельности г.г. инородцевъ можно привести десятки, но думается, что и приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, что живутъ г. инородцы такъ, какъ хотятъ, и заставляютъ русскихъ дѣлать то, что имъ хочется; мы же русскіе не смѣемъ, не должны приказывать покоренному нами народу говорить на русскомъ языкѣ и быть православными. Если паче чаянія признаете такія дѣйствія неправильными, если вы скажите, что инородцевъ необходимо заставлять говорить по-русски, васъ тутъ же зачислятъ въ ряды враговъ инородчества и станутъ кричать, что вы искореняете систему инородческаго просвѣщенія, попираете заветы Н. И. Ильминскаго.

Уѣздный Наблюдатель Церковныхъ школъ нашего уѣзда Протоіерей А. П. Соколовъ, послѣ 44 лѣтней дѣятельности среди чувашъ Буинскаго уѣзда въ очередномъ уѣздномъ Земскомъ Собраніи 1911 года констатировалъ, что „въ тѣхъ инородческихъ школахъ, въ которыхъ обученіе начинается съ чувашскаго языка, не достигается пересказа прочитаннаго правильной русской рѣчью, а тѣмъ болѣе дѣти не могутъ правильно писать подъ диктовку и постоянно русскіе звуки смѣшиваютъ съ чувашскими, что наблюдается и при изложеніи прочитаннаго на бумагѣ. „Для того, чтобы достигались хорошіе результаты по русскому языку нужно“, пишетъ о. Соколовъ; „измѣнить методъ преподаванія, надо начинать въ инородческихъ школахъ обученіе съ русской азбуки, что возможно дѣлать во всѣхъ инородческихъ школахъ.“

¹⁾ Дѣятель 1909 года № 9.

²⁾ Сотрудникъ 1909 года стр. 394.

Если бы, заключаетъ свой докладъ О. Наблюдатель, въ продолженіи тѣхъ 35 лѣтъ, когда началось обученіе русскому чтенію съ чувашской азбуки, велось въ инородческихъ школахъ обученіе русскому языку прямо съ русской азбуки, правильная русская рѣчь была бы не рѣдкостью въ чувашскомъ народѣ и русская полезная книга не пренебрегалась бы чтеніемъ грамотными“¹⁾.

Возбужденный Уѣзднымъ Наблюдателемъ вопросъ о преимуществахъ изученія въ чувашскихъ школахъ русской азбуки раньше чувашской былъ внесенъ на разсмотрѣніе уѣзднаго училищнаго Совѣта, гдѣ при обменѣ мнѣніями, между прочимъ было установлено, что бывшій Предсѣдатель Совѣта, Протоіерей Ал. Ив. Баратынскій, еще въ 1868 году писалъ:

„Имѣвъ честь три года состоять членомъ училищнаго Совѣта отъ Земства и завѣдывая третій годъ мѣстными училищами въ званіи Предсѣдателя Училищнаго Совѣта, считаю себя въ правѣ судить о томъ, достигаютъ ли сельскія, болѣею частію инородческія въ здѣшней мѣстности училища своей цѣли воспитанія крестьянскихъ дѣтей въ духѣ русскомъ православномъ.

На этотъ вопросъ можно отвѣтить вообще утвердительно. Но довольно удовлетворительные результаты настоящаго времени могутъ служить ручательствомъ за вполнѣ надежное, и съ видами правительства согласное, обрусеніе и развитіе въ православномъ духѣ чувашскихъ учениковъ только тогда, когда преподаваніе въ чувашскихъ училищахъ будетъ идти *по-русски съ помощью чувашскаго нарѣчія*“²⁾.

Училищный Совѣтъ, отложивъ рѣшеніе вопроса въ окончательной формѣ до болѣе благоприятнаго времени, на первый разъ ограничился примѣненіемъ рекомендуемаго протоіереемъ Соколовымъ способа обученія грамотѣ чувашъ на одинъ годъ, о чемъ постановленіемъ 7 іюля 1912 года поручилъ мнѣ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе.

Какъ только распоряженіе инспекціи о томъ, чтобы въ чувашскихъ школахъ послѣ ряда (въ зависимости отъ того, на сколько чуваша данной мѣстности владѣютъ разговорнымъ русскимъ языкомъ) подготовительныхъ разговорныхъ уроковъ

¹⁾ Журн. и доклады Буин. уѣд. Земской Управы 1911 года стр. 217

²⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1869 г. № 10 стр. 167.

было приступлено прямо къ изученію русскаго бубвара, дошло по назначенію, чувашская интеллигенція заклокотала, полетѣли жалобы въ Симбирскъ, а одинъ изъ священниковъ-чувашъ, не зная, видимо, или на этогъ разъ позабывъ, что его учитель, Ив. Як. Яковлевъ, въ началѣ своей просвѣтительной дѣятельности особенно заботился о томъ, чтобы его питомцы, какъ можно скорѣе научились русской грамотѣ и русскому языку, а въ 1868 г. даже писалъ въ „Симб. Губерн. Вѣдом.“ противъ употребленія чувашскаго языка въ школахъ¹⁾, на ближайшемъ собраніи уѣзднаго отдѣленія братства трехъ Святителей выступилъ съ объемистымъ докладомъ, тему котораго можно опредѣлить въ такихъ словахъ: „изгнаніе инспекторомъ родного языка изъ инородческой школы и плачевныя послѣдствія сего“.

Вѣсть о прочитанномъ докладѣ быстро разнеслась по всему уѣзду и среди болѣе робкихъ учащихся породила опасенія за свои дѣйствія, въ миссіонерахъ же, наоборотъ, вызвала стремленія печаловаться кому слѣдуетъ на паденіе правовъ, отсутствіе религіознаго вопианія и т. д., обвиняя во всемъ этомъ не рѣдко людей совершенно не повинныхъ.

Вотъ что, напримѣръ, подъ впечатленіемъ доклада писалъ одинъ изъ чувашъ-миссіонеровъ нашего уѣзда въ отчетѣ за 1912 г.

„Въ большей или меньшей степени использовать школу въ миссіонерскихъ цѣляхъ,—зависитъ отъ дѣятелей и школьной администраціи. Въ нынѣшней культурной вѣкъ не принято уже требовать отъ школы ни обученія церковному пѣнію, ни дѣланія общихъ ученическихъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ съ чтеніемъ и пѣніемъ, ни обязательнаго посѣщенія учащими и учащимися церковныхъ богослуженій, ни вообще религіознаго воспитанія. Учащіе сельскихъ школъ считаютъ низкимъ заниматьса всѣмъ этимъ, отмахнулись отъ этого и все это включили въ обязанности поповъ и дьячковъ; они—де должны слѣдить за религіозностью и нравственностью. Развѣ рѣдкій „простоватый“ учитель еще по инерціи продолжаетъ работать Богу и его церкви, а большинство „умныхъ“ и „передовыхъ“ (ковычви подлинника) дѣло церковнаго воспитанія учениковъ считаютъ архаизмомъ. И школьное началь-

¹⁾ Правосл. Соб. 1884 года часть I стр. 333.

ство, какъ свѣтское, такъ и духовное, уже привыкло къ такому положенію, а нѣкоторые надзиратели надъ школами сами, не желая быть позади своихъ подчиненныхъ, отговариваютъ учителей отъ обязанности церковно-религіознаго воспитанія учениковъ, поддерживаютъ ихъ въ этомъ взглядѣ для расположенія къ себѣ.

Но не простительный недостатокъ,—отсутствіе религіознаго воспитанія въ школахъ хоть въ народной, хоть въ дворянской и какой угодно. Школа безъ этого,—что человекъ безъ души. Но говорятъ,—что „шиломъ моря не нагрѣть“, такъ и призывы единичныхъ личностей остаются „гласомъ въ пустынѣ“. Если простительно и даже совсѣмъ нормально отсутствіе религіознаго воспитанія въ сельской школѣ, церковной, земской и министерской,—все-таки весьма желательно и даже необходимо это, по крайней мѣрѣ, въ миссіонерской школѣ. Школьное воспитаніе на основѣ религіи и нравственности должно быть въ школахъ всѣхъ типовъ, а въ церковной—обязательно, въ миссіонерской же—сугубо. Характеръ постановки воспитательнаго дѣла зависитъ отъ школьнаго начальства, а поэтому весьма и весьма желательно, чтобы школьное начальство напоминало мѣстнымъ дѣятелямъ о должной постановкѣ школьно-воспитательнаго дѣла, обращало на это серьезное вниманіе, по крайней мѣрѣ, не меньше, чѣмъ на учебное дѣло.

Брошенное по адресу земскихъ и министерскихъ училищъ обвиненіе въ томъ, что въ нихъ будто бы не принято требовать обученія церковному пѣнію, отправленія общихъ молитвъ и посѣщенія учащимися праздничныхъ Богослуженій—вынудило меня обратиться къ о. миссіонеру съ просьбой, указать, въ какихъ именно школахъ допускаются такія нарушенія и изъ какого источника имъ получены объ этомъ свѣдѣнія.

На это о миссіонеръ сообщилъ, что „ни какой жалобы на не совершеніе молитвъ предъ началомъ занятій имъ никому заявляемо не было, почему и сообщить въ какихъ именно школахъ допускается нарушеніе порядка и изъ какого источника получены имъ свѣдѣнія—онъ не можетъ“.

Послѣ такого отвѣта всякое предположеніе о существованіи въ земскихъ и министерскихъ школахъ нашего уѣзда „отсутствія религіознаго воспитанія“ безъ сомнѣнія упадетъ,

но это, однако, не служить гарантией того, что на слѣдующемъ братскомъ собраніи вмѣсто доклада о. Дмитриева появится докладъ о. Матвѣева, Петрова, Тимофеева, а въ будущемъ году, вмѣсто одного отчета съ обвиненіемъ начальной школы и „умныхъ“, „передовыхъ“ учителей—будетъ написано три, четыре.

Подобныя выступленія противъ свѣтской школы и ея руководителей естественно порождаютъ среди учащихся неувѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ, шатанія, послѣдствіемъ чего является малоуспѣшность. Чтобы судить о томъ, насколько вѣрны и справедливы только что указанныя и имъ подобныя обвиненія, а главное—чтобы оградить себя отъ заблужденій въ школьномъ дѣлѣ, надо твердо знать, что такое инородческая школа, какова ея исторія, какія требованія къ ней предъявляются.

Исторія происхожденія чувашской школы не сложна, но довольно интересна.

Первые попытки къ болѣе прочному развитію среди чувашъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія и грамотности относятся къ 1867 году, когда бывшимъ при Казанскомъ учебномъ округѣ инспекторомъ чувашскихъ школъ, Н. И. Золотницкимъ, были составлены и напечатаны на чувашскомъ языкѣ: „Соддалыкъ — кнеге“ — календарь съ объясненіемъ праздниковъ, „Чувашь — кнеге“ — букварь съ молитвами, „Тора халых илиххи порнызе“ — священная исторія Ветхаго Завѣта на народномъ чувашскомъ нарѣчій¹⁾.

До этого времени школы для чувашскихъ дѣтей не только не имѣли ничего отличительнаго отъ существовавшихъ въ то время школъ общаго типа, но и открывались съ большими затрудненіями. Вотъ какъ, напр., было открыто въ 1807 году чувашское училище въ селѣ Буртасахъ, Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи.

Священникъ этого села, о. Н. Михеевъ, заботясь о просвѣщеніи своихъ прихожанъ — новокрещенныхъ чувашъ, въ письмѣ къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія выразилъ желаніе пожертвовать для помѣщенія приходскаго училища деревянный двухъ-этажный домъ съ принадлежащими къ нему строеніями и садомъ и просилъ объ открытіи въ селѣ

¹⁾ Журн. Мин Нар. Пр. 1868 г. апрѣль. Современ. лѣтопись.

Буртасахъ училища. Затѣмъ, когда осмотръ пожертвованнаго дома и устройство въ немъ училища попечителемъ Казанскаго округа были поручены директору училищъ, священникъ Михеевъ писалъ директору, что Цивильскій Исправникъ Завацій, согласившись съ помѣщикомъ села Буртасы Чашковымъ, узнавшимъ о предположеніи устроить въ этомъ селѣ училище, сталъ употреблять все свое стараніе къ тому, чтобы не было ни одного изъ чувашъ, желающихъ обучать своихъ дѣтей. Не смотря, однако, на такое письмо, директоръ отправился въ Цивильскій уѣздъ, имѣлъ въ городѣ свиданіе съ исправникомъ и просилъ его ѣхать съ нимъ въ Буртасы для оказанія содѣйствія по устройству училища. Отъ поѣздки исправникъ отказался, да и директору не совѣтовалъ ѣхать, во-первыхъ, какъ доносилъ объ этомъ директоръ попечителю, потому, что нѣтъ чувашъ, желающихъ обучать своихъ дѣтей въ открывающемся училищѣ; во-вторыхъ, что для чувашъ просвѣщеніе вредно, ибо они забудутъ земледѣліе и что напрасно открывать училищъ въ уѣздѣ, когда его нѣтъ еще въ городѣ; въ-третьихъ, что, по мнѣнію исправника, „попъ Михеевъ не спрося броду — бросился въ воду, залетѣлъ весьма высоко, хотѣлъ получить, подобно священнику Ягодинскому¹⁾, крестъ, такъ вотъ ему и крестъ: нѣтъ учениковъ, а если бы онъ раньше спросился у него, исправника, такъ были бы и ученики и онъ зналъ бы какъ поступить“²⁾). Не взирая, однако, на протестъ исправника, директоръ поѣхалъ въ Буртасы и 20 августа 1807 года открылъ тамъ училище, просуществовавшее всего лѣтъ пятнадцать. Непродолжительность существованія многихъ чувашскихъ школъ и отсутствіе почти всякихъ слѣдовъ, которые, повидимому, должны бы были оставить эти училища, наблюдалось до конца шестидесятыхъ годовъ.

Преподаваніе Закона Божія, чтенія и письма въ этихъ училищахъ велось *исключительно по-русски*, при чемъ обученіе это совершенно не соединялось съ дѣйствительнымъ изученіемъ чувашскими мальчиками русскаго языка. Послѣ шестидесятихъ годовъ способъ обученія чувашъ сталъ постепенно измѣняться къ лучшему, но это измѣненіе двигалось впередъ

¹⁾ Ягодной Слободы близъ Казани.

²⁾ Износковъ. Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія инородцевъ стр. 2—3.

робкими и очень медленными шагами. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ первобытномъ состояніи были найдены чувашскія школы нашего уѣзда въ 1867 году окружнымъ инспекторомъ чувашскихъ школъ Н. Золотницкимъ.

„22 іюня, пишетъ онъ въ своемъ отчетѣ, я былъ въ селахъ Тайбѣ и Тойсяхъ. Прихожане перваго села, по отзыву священника, исполняютъ христіанскіе обряды только по неволѣ, упорны въ своихъ заблужденіяхъ; въ деревняхъ Тутаевѣ и Бѣлой Воложѣ чуваша живутъ вмѣстѣ съ татарами—магометанами; въ самомъ селѣ 2 чувашскія семьи вовсе отпали отъ православія. Въ мужскомъ училищѣ на законоучитель—священникъ, ни учитель, исключенный изъ высшаго отдѣленія Алатырскаго духовнаго училища, не знаютъ по чувашски нисколько. Учениковъ на лицо было до 30 человекъ, обученіе совершенно механическое; обученіе чтенію происходитъ по ланкастерской методѣ со всѣми странностями, не свойственными не только чувашскому, но и русскому языку; напримѣръ, мальчикъ, прочитывая слово „слѣдъ“, складываетъ такъ: „эсь-эль-ять-де-ерь“ слово „фонарь“ „эхвъ-о-энь-а-эръ-ерь“. Нѣкоторые изъ учениковъ, пробывшіе 3 и 4 года, читаютъ довольно скоро, но безъ пониманія прочитаннаго, изъ Закона Божія знаютъ по нѣсколько молитвъ, но тоже не могутъ объяснить сущности читаннаго; *говорятъ по-русски нѣсколько человекъ, но только обыденныя фразы.*

Все здѣсь сказанное объ ученикахъ изъ чувашъ относится и ко всѣмъ осматрѣннымъ мною училищамъ, а потому я буду говорить дальше только объ исключеніяхъ¹⁾.

По приходѣ со священникомъ въ дѣвичью школу, помѣщавшуюся въ церковной караулѣ, мы нашли въ ней 13 чувашскихъ дѣвочекъ отъ 10 до 15 лѣтъ. Въ отчетѣ за 1866 годъ въ ней было показано 20 дѣвочекъ, но всѣ онѣ давно оставили школу „по нерасположенію“ родителей къ грамотности. Учить дѣвица 16 лѣтъ, окончившая курсъ въ Симбирскомъ Маріинскомъ училищѣ удѣльнаго вѣдомства. Методъ обученія тотъ же, что и въ мужскомъ училищѣ; нѣкоторыя дѣвочки читаютъ довольно скоро, но безъ всякаго пониманія, потому что *по-русски не умѣютъ говорить нисколько; всѣ*

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Пр. Апрѣль 1868 г. отд. «Современная лѣтопись».

дѣвочки наизусть читаютъ по-славянски по нѣскольку молитвъ, безъ всякаго пониманія, произнося затверженныя слова.

Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ школахъ, у чувашскихъ дѣвочекъ на нагрудныхъ украшеніяхъ, вмѣстѣ съ деньгами и змѣиными головками, навѣшано по нѣскольку мѣдныхъ крестиковъ, изъ чего видно, что и дѣти и родители, не имѣя о значеніи креста никакого понятія, смотрятъ на него, какъ на украшеніе. Учительница никакимъ расположеніемъ родителей ученицъ не пользуется, а напротивъ, они стараются обижать ее, укорая тѣмъ, что она учитъ въ школѣ, и предполагая, что если бы не она, то и не было бы ученья.

Все здѣсь сказанное объ успѣхахъ ученицъ относится также и ко всемъ осмотрѣннымъ дѣвичьимъ школамъ¹⁾.

По дорогѣ изъ Тайбы въ Тойси ямщикъ изъ чувашъ обратился къ г. инспектору съ просьбой сказать ему откровенно „велѣлъ-ли Царь учить дѣвокъ“? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ спросилъ: „Для чего же нужно ихъ учить“?. Послѣ подробнаго объясненія въ чемъ состоитъ грамота, какъ легко можетъ усвоить ее дѣвушка и какъ необходима она женщинамъ, ямщикъ сказалъ: „Говоришь ты очень хорошо, а все пустяки; если бы такъ учили нашихъ дѣтей, какъ ты говоришь, польза была бы не только имъ, да и мы бы отъ нихъ много хорошаго узнали, а то нашихъ дѣвокъ учатъ такъ, что *онѣ и сами не знаютъ чему учатся*; у меня своя дочь училась въ школѣ 4 года, и когда окончила ученье, то стала совсѣмъ дура: *умѣетъ наизусть читать молитвы, разбираетъ книгу, знаетъ и цифры, а что читаетъ, ни сама она, и никто не понимаетъ, сосчитать не можетъ 5 да 7, по дому нигуда не годится, даже и прясть позабыла*“). На вопросъ, какъ это могло случиться, — чувашъ пояснилъ: рано утромъ дѣвочка уходитъ въ школу, взявши кусокъ хлѣба, учиться тамъ все утро, закуситъ и опять за книгу, къ вечеру возвращается домой, „измученная читаньемъ“; мать, жалѣя ее, не заставляетъ уже работать, покормить и велитъ спать; на другой день то же.

Такъ проходить для дѣвочки время отъ 12 до 16 лѣтняго возраста — самая лучшая пора для наученія хозяйству.

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1868 года.

²⁾ Журнал. Мин. Нар. Пр. апрѣль 1868 года.

Въ Тойсинскомъ училищѣ Законоучитель Священникъ А. Соколовъ, а учитель изъ чувашъ К. Андреяновъ, обучавшійся въ Симбирскомъ уѣздномъ училищѣ. Учениковъ было 37. Учитель сказалъ, что при обученіи онъ позволяетъ себѣ толкованія по-чувашски. Отвѣты нѣкоторыхъ мальчиковъ по Закону Божію были довольно толковы: по крайней мѣрѣ они могли сказать краткое содержаніе прочитанной молитвы, или рассказанной исторіи, читали почти всѣ хорошо, по ариѳметикѣ разрѣшали задачи, хотя и удовлетворительно, по механически; вліяніе учителя на чувашъ замѣтно въ значительномъ развитіи мальчиковъ. Къ сожалѣнію, Андреяновъ, какъ видно, самъ учился чисто механически и доселѣ не имѣетъ понятія о болѣе разумныхъ приемахъ обученія. Здѣсь, какъ и во всѣхъ училищахъ, вмѣстѣ съ учениками приходили и ихъ родители, но только не за тѣмъ, чтобы узнать объ успѣхахъ своихъ дѣтей, а для того, чтобы просить о скорѣйшемъ освобожденіи ихъ отъ ученья.

Въ дѣвичьей школѣ во время ревизіи было 15 ученицъ; собрались онѣ, впрочемъ, сюда въ надеждѣ исключенія изъ школы; нѣкоторыя изъ нихъ были уже невѣсты; *ни одна ни слова не знаетъ по-русски, но инныя читали славянскія молитвы*. Учить ихъ изъявила желаніе жена священника Лидія Соколова, ни слова не знающая по-чувашски¹⁾.

26 іюня осмотрѣно Туруновское училищѣ. Законоучитель, священникъ Щегловъ, слабо знаетъ чувашскій языкъ, учитель, уволенный изъ средняго отдѣленія симбирской семинаріи, Бѣлозерскій не знаетъ этого языка совершенно. Обученіе чтенію—тоже по ланкастерской методѣ, какъ и вездѣ.

29 іюня осмотрѣны училище и школа въ селѣ Шераутахъ. Законоучитель Священникъ Русановскій, недавно поступившій на должность, и учитель, уволенный изъ низшаго отдѣленія семинаріи, Тихвинскій, вовсе не знаютъ чувашскаго языка. Въ дѣвичьей школѣ учить дочь просвирни, дѣвица А. Михайлова. Она сначала сказала, что не знаетъ по-чувашски, но потомъ созналась, что нѣсколько говорить по-чувашски и объясняется съ ученицами Дѣвочекъ въ школѣ 19 и ни одна изъ нихъ не знаетъ по-русски. Старшія 10 дѣвочекъ постояннымъ упражненіемъ въ чтеніи (по словамъ священника,

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Пр. 1868 г. апрѣль.

съ утра до ночи) до того усовершенствованы въ механизмѣ, что въ любомъ мѣстѣ русской книги, не понимая содержанія, прочитываютъ безъ складовъ безошибочно слово за словомъ, сколько бы они ни были многосложны, и притомъ внятно и раздѣльно слово отъ слова, такъ что съ перваго раза можно подумать, что читающая дѣвочка знаетъ по-русски и читаетъ не торопясь, сознательно¹⁾.

„Обозрѣвъ 14 мужскихъ училищъ и 10 дѣвичьихъ школъ и повсюду стараясь разъяснить наставникамъ и наставницамъ необходимость измѣненія общепринятыхъ ими способовъ обученія чувашскихъ дѣтей, я, заключаю свой отчетъ г. Золотницкѣй, не смотря на сочувствіе нѣкоторыхъ священниковъ, учителей и учительницъ къ объясненной мною системѣ, оставилъ Буинскій уѣздъ съ убѣжденіемъ о невозможности на править въ здѣшней мѣстности дѣло образованія чувашъ рациональнымъ путемъ“²⁾.

Неудавшаяся г. Золотницкому попытка замѣнить существовавшую въ то время систему безсознательнаго заучиванія словъ, молитвъ и бессмысленнаго повторенія читаемаго текста книжки болѣе рациональнымъ способомъ, удалась потомъ благодаря распространившейся системѣ инородческаго просвѣщенія Николая Ивановича Ильминскаго.

„Идея и цѣль“ системы Ильминскаго, какъ объ этомъ онъ самъ неоднократно повторялъ, „состоитъ въ прочномъ соединеніи инородческихъ племенъ съ кореннымъ русскимъ народомъ путемъ образованія и въ прочномъ сближеніи инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ путемъ просвѣщенія“³⁾.

Для достиженія такой цѣли необходимо было прежде всего сдѣлать инородцевъ христіанами не только по имени и внѣшней обрядности, но и по духу, по разумному пониманію истинъ православной вѣры и твердому христіанскому настроенію; имъ надо было дать „христіанское нравственно-религіозное воспитаніе“⁴⁾.

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1868 г. стр. 16.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Казанская Центральная Кр.-Тат. школа стр. 426, 434, 444, 446.

⁴⁾ Каз. Центр. Крещ.-Тат. школа стр. 426. Переписка о 3-хъ школахъ стр. 35.

Такая цѣль всего легче и удобнѣе достигалась посредствомъ *первоначальнаго обученія Закону Божию на родномъ языкѣ*. Обученіе инородческихъ дѣтей на русскомъ языкѣ составляло тогда для инородческихъ дѣтей двойную трудность: надо было изучать самый предметъ преподаванія—молитву, библейскую исторію, читаемую статью и т. д.—и въ то же самое время преодолевать трудности малознакомаго русскаго языка. Слѣдствіемъ этой двойной трудности и было описанное выше механическое заучиваніе молитвъ и отсутствіе пониманія читаемаго. „Напротивъ, *первоначальное образованіе инородцевъ на ихъ родномъ языкѣ есть самый надежный путь къ усвоенію ими и русскаго языка, и русскаго образованія*“¹⁾.

„Какъ скоро въ инородцахъ утвердились, посредствомъ роднаго языка, христіанскія понятія и правила, въ нихъ пробуждается любовь къ русскому народу“... „Тогда они охотно и съ успѣхомъ занимаются и русскимъ языкомъ и ищутъ русскаго образованія“²⁾.

Эта по истинѣ глубокая и безусловно вѣрная мысль высказывалась Николаемъ Ивановичемъ Ильминскимъ многократно и очень настойчиво³⁾. Точно такое же мнѣніе высказывалъ и ближайшій сотрудникъ Ильминскаго—о. Василій Тимофеевъ⁴⁾.

Эта же самая мысль была положена Ильминскимъ и въ основу при организаціи инородческой школы.

Нормальной русско-инородческой школы по его мысли было одноклассное училищѣ, съ четырехгодичнымъ курсомъ соотвѣтствовавшее приблизительно русской начальной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ. Благодаря тому, что пріемъ учениковъ въ первой производился обыкновенно въ два года разъ, а во второй—каждый годъ, получалось тамъ два отдѣленія, а здѣсь три, при одномъ учителѣ.

Младшее и старшее отдѣленія русско-инородческой школы отличались между собою тѣмъ, что въ *первомъ* (1-й и 2-й

¹⁾ Каз. Центр. Крещ.-тат. шк. стр. 222.

²⁾ Каз. Кр.-т. шк. стр. 221.

³⁾ Каз. Кр.-тат. школа стр. 76, 207; Писм. Ильинскаго стр. 50, 272, 386; Свѣд. о кр.-тат. шк. стр. 9, 17.

⁴⁾ Каз. кр.-тат. шк. стр. 241.

годъ обученія) преподаваніе велось на родномъ языкѣ учащихся, а во второмъ (3-й и 4-й г.)—по русски. Такъ какъ полный четырехгодичный курсъ проходилъ далеко не всеми инородческими мальчиками, двумъ первымъ годамъ былъ приданъ законченный курсъ. Эти два первыхъ года обученія, составляя „первоначальную школу“, являлись по системѣ Ильминскаго той низшей школой, черезъ которую могла проходить вся масса дѣтей инородцевъ; для дѣтей же, имѣющихъ возможность посѣщать училище болѣе продолжительное время, курсъ продолжался уже четыре года и соотвѣтствовалъ курсу однокласснаго училища.

Что инородческія языки предназначались лишь для первоначальнаго ознакомленія учениковъ съ истинами христіанской вѣры, видно, напр., изъ даннаго Ильминскимъ согласія, чтобы Законъ Божій преподавался на русскомъ языкѣ; въ письмѣ Белебеевскому предводителю дворянства, И. М. Бунину, онъ излагаетъ: „Вы пишете: „пусть Васильевъ будетъ учителемъ, пусть онъ читаетъ священныя книги на татарскомъ языкѣ“. Мнѣ больше ничего и не нужно. Законъ Божій, если вамъ угодно, чтобы преподавалъ русскій и православный священникъ, то это преподаваніе можно поручить“ такому-то ¹⁾.

Съ теченіемъ времени положенная въ основу системы ильминскаго цѣль—дать инородцамъ православно-русское воспитаніе—стала постепенно ступшеываться и отходить дальше и дальше на задній планъ.

Сознаніе необходимости первоначальнаго преподаванія на родномъ языкѣ, какъ переходной ступени—къ русскому образованію—уступаетъ мѣсто убѣжденію о необходимости преподаванія на инородческихъ языкахъ вообще.

Въ одномъ изъ ряда писемъ по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита въ инородческомъ языкѣ Н. И. Ильминскимъ было высказано прямо удивительное мнѣніе, что вмѣстѣ съ введеніемъ русскаго алфавита въ инородческую письменность „должно быть обязательное употребленіе мѣстнаго народнаго языка не только въ школахъ, но и въ управленіи“ ²⁾.

¹⁾ Переписка о трехъ школахъ стр. 52.

²⁾ Изъ переписки о примѣненіи русскаго алфавита стр. 22.

До введенія инородческихъ языковъ *въ управленіе*—дѣло не дошло, но *что употребленіе инородческихъ языковъ, выставленное сперва какъ первоначальное средство, какъ переходная ступень*, по выраженію проф. Залѣскаго *сдѣлалось* постепенно и совершенно незамѣтно, съ теченіемъ времени *само собою цѣлью*—это ясно.

Переводческія комиссіи „кромѣ собственно вѣроучительныхъ и богослужебныхъ книгъ“ стали издавать теперь на инородческихъ языкахъ *всякія книги*—„словари, грамматики, книжки Толстого, задачки, сборники“ и пр. Благодаря чрезмѣрному увлеченію инородческими языками въ преподаваніи, первоначальная правильная мысль—постепенно и незамѣтно исказилась и *вмѣсто сліянія инородцевъ съ русскимъ народомъ* создались особые, отчужденные отъ русскаго, инородческіе мірки *со своими священниками, со своими учителями, со своими интересами, со своей литературой*.

На опасность, грозящую отъ искаженія его системы, Ильминскому указывалось давно.

Белебеевскій уѣздный предводитель дворянства И. М. Бунинъ въ 1877 году высказывалъ, „что“ преподаваніе Закона Божія... на татарскомъ языкѣ... непрактично и не патриотично: господствующій языкъ въ Россіи русскій“.... „Я совершенно противъ преподаванія въ *русскихъ* школахъ *православнымъ* православной религіи на *татарскомъ* языкѣ“¹⁾.

Въ 1878 году священникъ о. Смѣловъ напоминалъ, что инородческіе переводы должны разсматриваться лишь какъ „*пособіе къ уразумѣнію* основного церковно-славянскаго текста“; то же самое онъ повторялъ въ 1880 году; въ 1884 году онъ упрекалъ даже извѣстнаго дѣятеля по образованію чувашъ, И. Я. Яковлева, въ томъ, что тотъ „задался мыслію чувашскій языкъ сдѣлать *языкомъ книжнымъ*“²⁾.

О. Смѣловъ, употребивъ выраженіе „*языкомъ книжнымъ*“—выразился нѣсколько неясно, но мысль его ясна; онъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что Ив. Яв. Яковлевъ стремится сдѣлать чувашскій языкъ—*языкомъ литературнымъ*; а созданіе литературнаго языка даетъ толчекъ къ развитію *чувашской литературы*, что само собою разумѣется—не можетъ же

¹⁾ Переписка о трехъ школахъ стр. 45, 46.

²⁾ Переписка о чувашскихъ изданіяхъ пер. ком. стр. 3, 17, 30.

разсматриваться какъ симптомъ „слиянiя“ чувашъ съ русскимъ народомъ.

Въ письмѣ отъ 3 февраля 1891 года Ильминскiй и самъ признавался Оберъ-Прокурору К. П. Побѣдоносцову, что „многiе“ находятъ инородческiе переводы „вредными для государственнаго единства“¹⁾.

Особенно смѣло и авторитетно по данному вопросу высказался преосвященный Сергiй, Викарiй Казанской епархiи. Онъ прямо высказывалъ опасенiе, что „допущенiе инородческихъ языковъ въ школу и церковь создастъ народности въ ущербъ и во вредъ русскому народу и государству“²⁾; онъ въ рѣчи 3 декабря 1899 года энергично указывалъ на необходимость „ослабить и уменьшить употребленiе инородческихъ языковъ и какъ можно скорѣе перейти къ русскому языку“³⁾.

Отъ всѣхъ только что перечисленныхъ и имъ подобныхъ возраженiй покойный Ильминскiй старался, какъ можно скорѣе отдѣлаться.

Бунину онъ отвѣтилъ фразой— „мой взглядъ не съ вѣтра взятъ,“ и поспѣшилъ согласиться на преподаванiе Закона Божiя на русскомъ языкѣ⁴⁾. Споръ съ о. Смѣловымъ былъ сведенъ къ пререканiямъ о мелкихъ ошибкахъ и неточностяхъ переводовъ нѣкоторыхъ книгъ на чувашскiй языкъ⁵⁾; преосвященнаго Сергiя онъ упросилъ не включать замѣчанiй о вредѣ инородческихъ переводовъ въ протоколъ общаго собранiя братства Св. Гурiя⁶⁾.

Профессоръ Залѣвскiй вполне справедливо говоритъ, что если при жизни Н. И. Ильминскаго наблюдалась уже утривка въ его системѣ и употребленiе инородческихъ языковъ *изъ средства* сближенiя мелкихъ тюркскихъ и финскихъ племенъ съ русскимъ народомъ превратилось въ *самоцѣль*, то нынѣ это искаженiе основанной идеи, какъ съ очевидностью свидѣтельствуютъ намъ приведенные выше примѣры, дошло до крайней точки. Дальше идти не куда. А между тѣмъ въ

1) Письма Ильминскаго стр. 376.

2) Письма Ильминскаго стр. 398.

3) Письма Ильминскаго стр. 332.

4) Переписка о трехъ школахъ стр. 52.

5) Переписка о чувашскихъ изданiяхъ стр. 30.

6) Письма стр. 332.

основѣ „системы Ильминскаго“ лежитъ здоровая мысль и не затемнись она чрезмѣрнымъ увлеченіемъ инородческими языками, ставшими *изъ средства самоцѣлю*, результаты просвѣщенія инородцевъ были бы совершенно иные.

Надо твердо усвоить и непрестанно памятовать, что основная идея, главная цѣль и задача системы Ильминскаго „состоитъ въ прочномъ соединеніи инородческихъ племенъ съ кореннымъ русскимъ народомъ путемъ образованія“, „въ прочномъ сближеніи инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ путемъ просвѣщенія“¹⁾. Н. И. Ильминскій самъ многократно повторялъ, что высшая цѣль просвѣщенія инородцевъ есть сообщеніе имъ *русскаго образованія на русскомъ языкѣ*²⁾. Цѣль эта въ послѣдствіи даже была положена въ основу устава Симбирской чувашской школы. Въ ст. 2656 т. XI свод. зак. мы читаемъ: „Симбирская чувашская школа имѣетъ цѣлю приготовленіе учителей для начальныхъ чувашскихъ училищъ въ видахъ распространенія религиозно-нравственнаго, — *православно-русскаго* просвѣщенія среди чувашскаго населенія.“

Главнѣйшія формы, въ которыхъ практически проявилась идея Ильминскаго при его жизни, можно формулировать такимъ образомъ:

- 1) Молитвы и Богослуженіе на понятномъ народу языкѣ.
- 2) Родной языкъ, какъ *основа воспитанія и какъ орудіе для изученія* языка русскаго, —отсюда педагогическія работы Ильминскаго, научныя и по воспитанію учителей и хлопоты по устройству школъ.
- 3) *Церковно-славянскій языкъ*, какъ *связь всѣхъ православныхъ* славянъ, къ которымъ должны примѣнуть и инородцы, —отсюда работы по очищенію церковно-славянскаго языка отъ подновленій, внесенныхъ въ него русифицирующими теченіями.
- 4) *Сліянiя всѣхъ*, безъ различія религіи, *инородцевъ* въ одну русскую семью, —отсюда его хлопоты о допущеніи въ русскія учебныя заведенія язычниковъ на льготныхъ правахъ,

¹⁾ Каз. Центр. Кр. Тат. школа стр. 426, 434, 444; Казанск. Тел. 1910 г. № 5153, 5159, 5160.

²⁾ Каз. Центр. Кр. Тат. школа стр. 222; письма стр. 386; свидѣнія о кр. тат. школѣ. стр. 9.

безъ обязательнаго крещенія, отсюда же его хлопоты о совмѣстномъ съ русскими обученіи мусульманъ, безъ покусенія на прозелитизмъ; отсюда же и свѣтскія изданія Ильминскаго для киргизъ.

5) *Горячая мечта о счастіи, котораго достигнуть инородцы, если они войдутъ въ лоно православной церкви, — отсюда отзывчивость Ильминскаго на всѣ миссіонерскіе запросы и его готовность помогать дѣлу миссіи.*

Съ формальной стороны принципы системы Ильминскаго были выражены въ двухъ законодательныхъ актахъ:

1) Въ правилахъ 26 марта 1870 года, о мѣрахъ къ образованію инородцевъ и

2) Въ правилахъ о переводческой дѣятельности.

Правилами 26 марта 1870 года прежде всего указывалось, что „начальныя школы инородцевъ—христіанъ должны имѣть цѣлью религиозно-нравственное ихъ образованіе, утвержденіе въ православной вѣрѣ и ознакомленіе съ русскимъ языкомъ“¹⁾.

По разъясненію тѣхъ же правилъ „особенности въ системѣ образованія инородцевъ заключаются главнымъ образомъ въ томъ значеніи, какое должно имѣть родное нарѣчіе инородцевъ въ первоначальной школѣ“.

По степени развитія и обрусенія инородцевъ школы дѣлились на три типа.

а) *„Школы для дѣтей инородцевъ, весьма мало обрусѣлыхъ и почти незнающихъ русскаго языка.“*

Для таковыхъ дѣтей учреждены были школы, въ которыхъ первоначальное преподаваніе совершалось на инородческихъ нарѣчіяхъ и дѣти обучались на родномъ нарѣчій и по учебникамъ (буквари, молитвенники, краткія рассказы изъ священной исторіи) на томъ же нарѣчій.

Для облегченія перехода къ изученію русскаго языка, всѣ эти книги печатались на инородческомъ нарѣчій русскими буквами и съ переводомъ на русскій языкъ.

Рядомъ съ этимъ при помощи тѣхъ же мѣстныхъ нарѣчій, дѣти обучаются русскому разговорному языку и какъ только усвоятъ значительный запасъ русскихъ словъ и вы-

¹⁾ Правила о мѣрахъ къ образованію населяющихъ Россію инородцевъ Высочайше утвержд. 26 марта 1870 года.

раженій, начинаютъ обучаться русской грамотѣ, продолжая въ то же время обучаться разговорному русскому языку. По достаточномъ усвоеніи учащимися русскаго языка, Законъ Божій преподается на общихъ основаніяхъ, при чемъ повторяется на русскомъ языкѣ священная исторія съ необходимыми дополненіями, заучиваются главнѣйшія молитвы на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ и преподается краткій катихизисъ

б) Въ мѣстностяхъ съ населеніемъ смѣшаннымъ изъ природныхъ русскихъ и инородцевъ, учреждаются общія для тѣхъ и другихъ начальныя училища, въ которыхъ все обученіе ведется на русскомъ языкѣ учителемъ, владѣющимъ, какъ русскимъ, такъ и мѣстнымъ инородческимъ нарѣчіемъ, которое однако допускается къ употребленію лишь для устныхъ объясненій.

с) Для инородцевъ достаточно обрусѣлыхъ, живущихъ смѣшанно съ русскими, учреждались начальныя народныя училища на общихъ для русскихъ училищъ основаніяхъ¹⁾.

На основаніи этихъ правилъ открывались и существовали инородческія школы 36 лѣтъ.

Чтобы судить о томъ, что было сдѣлано за этотъ промежутокъ времени для просвѣщенія чувашъ, достаточно сказать, что до 1870 года въ Буинскомъ уѣздѣ было 36 церквей и 33 школы, а теперь 63 храма и 84 училища, не считая школъ духовнаго вѣдомства.

Церковная проповѣдь, школьное ученіе и постоянные уроки жизни за указанный періодъ времени чувашъ, можно сказать, перевоспитали.

О переходѣ инородцевъ изъ язычества въ лоно православной церкви Ильминскій только горячо мечталъ, мы же видимъ, что напр., въ Буинскомъ, уѣздѣ по всеобщей переписки 1897 года лицъ нехристіанскихъ исповѣданій всего 10 мужчинъ и 14 женщинъ²⁾.

О киреметяхъ, йомзяхъ, о полевыхъ моленіяхъ чувашъ остались одни рассказы стариковъ. До 1908 года изрѣдка кой-гдѣ (въ Рунгѣ 1900 г., Сіушевѣ 1905 года, Три-Избы-Шемуршѣ 1906 г., Бюрганахъ 1908 г.) чуваша справляли

¹⁾ Правила 26 марта 1870 года.

²⁾ Первая всеобщая перепись, Симбирской губ. вѣд. XII стр. 61.

уйчугъ, но это, дѣлалось не по вѣрѣ, не по религіозному чувству, а скорѣй изъ простаго подраженія старинѣ и ради того, чтобы попить и поѣсть. На нагрудный крестъ не смотрятъ теперь, какъ на туалетную вещь, и чувашскія дѣвочки не носятъ его на груди въ числѣ монетъ и другихъ нагрудныхъ украшеній. Весной во время хороводовъ теперь можно слышать даже русскую пѣсню.

Пріѣзжаю я въ одинъ изъ майскихъ вечеровъ въ Новые Айбеси на экзамены и располагаюсь въ классѣ на ночлегъ. Едва успѣлъ я лечь, какъ въ открытое окно послышались какія-то знакомыя звуки. Я прислушиваюсь и къ великому удивленію слышу пѣніе „коробейниковъ“, „перевозъ Дуная держала“ и въ заключеніе Саратовскую „матаню“. На слѣдующій день о. Законоучитель объяснилъ мнѣ, что двѣ первыя пѣсни чуваша его села научились пѣть отъ бывшаго учителя, а „матаню“ переняли отъ плотниковъ, строившихъ школу.

Чуваши не спрашиваютъ теперь „велелъ ли Царь учить дѣвочъ“, родители учащихся не просятъ о скорѣйшемъ освобожденіи ихъ дѣтей отъ начальнаго ученья, а, наоборотъ, стараются по возможности продолжать его дальше.

Чувашскихъ дѣтей теперь можно встрѣтить и среди учениковъ высшихъ начальныхъ училищъ, и среди учениковъ и ученицъ гимназій съ прогимназіями, и даже среди студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Изъ этого очевидно, что русская грамотность, русскій языкъ, русское платье и русская жизнь не только не противны чувашской массѣ населенія, а, наоборотъ, охотно ею принимаются, и не существующихъ препятствующихъ культурному развитію чувашъ началъ—они давнымъ бы давно составляли съ русскими болѣе тѣсную семью. Къ такому заключенію насъ приводятъ не только личныя наблюденія, но и документы. Въ нашемъ распоряженіи имѣются копіи приговоровъ, въ которыхъ изложены требованія и взгляды цѣлыхъ обществъ. Вотъ что говорятъ намъ эти документы:

I.

„1902 года, апрѣля 19 дня, мы, нижеподписавшіеся, Симбирской губерніи и уѣзда, №—ской волости, деревни В. крестьяне собственники, бывшіе удѣльные, изъ числа 99 домо-

хозяевъ, имѣющихъ право голоса, явились на сельскій сходъ 78 человекъ въ присутствіи нашего сельскаго старосты Е., разсуждали о своей церковно приходской школѣ, открытой въ 1894 году, съ цѣлью обучать нашихъ дѣтей — чувашъ русскому языку и *Постановили*: просить училищный совѣтъ на будущее время *не назначать въ нашу школу учителей-чувашъ*, которые, по замѣчанію нашему, не имѣютъ должнаго прилежанія обучать дѣтей русскому языку, а ведутъ дѣло на чувашскомъ языкѣ, оттого наши дѣти и по выходѣ изъ школы не понимаютъ русской рѣчи, что для насъ крайне не желательно. Наше поселеніе расположено на Волгѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ Симбирска, окружено населеніемъ людей русскихъ и мордвовъ, стоитъ совершенно особнякомъ отъ своихъ родичей-чувашъ, а потому мы нисколько не имѣемъ нужды въ своемъ родномъ языкѣ, напротивъ, *намъ нуженъ русскій языкъ*, безъ знанія котораго мы должны сидѣть безъ всякихъ заработковъ, а это отзывается большимъ ущербомъ на наше матеріальное состояніе; въ виду изложеннаго мы открыли у себя школу, съ единственною цѣлью обучить своихъ дѣтей русскому языку, чтобы они впослѣдствіи не нуждались въ кускѣ хлѣба. Мы знаемъ, что наши дѣти вполне усвоятъ русскую рѣчь только при русскомъ учителѣ, такъ какъ онъ съ перваго же дня вступленія дѣтей въ школу, начинаетъ съ ними говорить по-русски, а черезъ три года ихъ и не отличилъ бы отъ русскихъ ребятъ, больше ничего мы отъ школы и не требуемъ. До открытія школы въ нашей деревнѣ, дѣти наши обучались вмѣстѣ съ мордвами въ №-скомъ сельскомъ училищѣ, тамъ ихъ не учили ни мордовскому, ни чувашскому языку, а только одному русскому, благодаря чему многіе по выходѣ изъ училища занимаютъ теперь хорошія мѣста съ довольно приличнымъ жалованьемъ въ городѣ Симбирскѣ. Эти примѣры ясно свидѣтельствуютъ, что дѣтей нашихъ съ ихъ поступленіемъ въ школу слѣдуетъ учить исключительно русскому языку, при помощи котораго они сами себя проложатъ путь въ своей будущей жизни. Въ нашей школѣ учитель теперь русскій, благодаря ему наши дѣти первогодки понимаютъ уже русскій языкъ и поютъ всю церковную службу по-русски, что для насъ весьма пріятно. Въ настоящее время есть слухи будто нашъ теперешній учитель русскій будетъ замѣненъ

учителемъ изъ чувашъ; услыхавъ такую для насъ неприятную новость, мы и рѣшили симъ приговоромъ просить Училищный Совѣтъ не найдетъ ли онъ возможнымъ отмѣнить свое рѣшеніе, оставивъ въ нашей школѣ русскаго учителя, въ противномъ случаѣ мы будемъ посылать своихъ дѣтей опять въ №-ское училище, а своя школа неминуемо должна пустовать, какъ неудовлетворяющая нашимъ желаніямъ, въ чемъ и составили настоящій приговоръ, записавъ оный въ книгу сельскихъ приговоровъ подлинниковъ подь № 20 „слѣдуютъ подписи.“

II.

„1909 годъ января 11 дня, мы, нижеподписавшіеся, Симбирской губерніи, Буинскаго уѣзда, №-ской волости, крестьяне-домохозяева составляющіе *волостной сходъ*, бывъ сего числа въ общемъ собраніи въ числѣ 194 изъ 271 домохозяина, составляющіе полный сходъ, въ дополненіе къ приговору 31 августа 1908 года № 2,— постановили сей приговоръ въ томъ, что предположенную къ открытію школу вѣдомства народнаго просвѣщенія отереть въ с. В. Кромѣ того просить инспектора народныхъ училищъ принять зависящія отъ него мѣры и ходатайства, гдѣ будетъ слѣдовать, *чтобы въ начальныхъ школахъ нашей волости, какъ Земскихъ и Министерскихъ, такъ и церковно приходскихъ обученіе чтенію, письму и Закону Божію преподавалось по-русски болѣе основательно*“

31 Марта 1906 года для инородческихъ училищъ были изданы новыя правила, которыя послѣ года и семи мѣсяцевъ существованія были замѣнены правилами о начальныхъ училищахъ для инородцевъ, утвержденными Мин. Нар. Просв. Фонъ-Кауфманомъ 1 ноября 1907 года.

Въ послѣднихъ правилахъ изложено: „Начальныя училища для инородцевъ разрѣшается учреждать, какъ *на общихъ основаніяхъ*, установленныхъ для начальныхъ училищъ Имперіи и *особыхъ узаконеній для отдѣльныхъ мѣстностей* изданныхъ, такъ и *съ примѣненіемъ нижеслѣдующихъ правилъ*“.

„Училища для инородцевъ учреждаются какъ одноклассныя, такъ и *двухклассныя*“¹⁾.

„Учебными предметами въ нихъ служить Законъ Божій или соотвѣтствующее вѣроученіе, *родной языкъ учащихся*, русскій языкъ, арифметика и пѣніе, а въ двухклассныхъ училищахъ *сверхъ того* исторія, географія, естествовѣдѣніе, черченія, начала геометріи“²⁾.

„*Преподаваніе Закона Божія* для православныхъ ведется на *родномъ языкѣ учащихся до окончанія* однокласснаго и двухкласснаго училища“³⁾.

„Родной языкъ дѣтей *въ первые два года обученія* служитъ языкомъ преподаванія. *Въ послѣдующіе годы* языкомъ преподаванія долженъ быть русскій языкъ, но родной языкъ учащихся остается и *предметомъ изученія и орудіемъ для преподаванія*“⁴⁾.

При сопоставленіи новыхъ правилъ съ правилами 1870 года не трудно замѣтить, что между ними имѣется громаднѣйшая разница. Н. Ив. Ильминскій родной языкъ допускалъ лишь какъ основу воспитанія и какъ средство для изученія русскаго языка, правила 1870 года разрѣшали пользоваться имъ какъ средствомъ *при первоначальномъ* преподаваніи, да и то только въ школахъ „для дѣтей весьма мало обрусѣлыхъ“ и „почти не знающихъ русскаго языка“, по правиламъ же 1 ноября 1907 года родной языкъ учащихся *является уже предметомъ изученія*, при чемъ изученіе это не ограничивается курсомъ начальной школы, а распространяется и на курсъ двухкласснаго училища; Законъ Божій, согласно правиламъ, до окончанія курса того и другого училища долженъ вестись на родномъ языкѣ учащихся.

Какъ только вышли эти новыя правила, сторонники просвѣщенія чувашъ на чувашскомъ языкѣ сейчасъ же признали всѣ чувашскія школы, существующими на основаніи *этихъ правилъ* и энергично принялись за очистку школъ отъ русскаго языка.

Пріѣзжаю я, напимѣрь, въ одну изъ Министерскихъ школъ района и велю дѣтамъ вынуть для чтенія Евангелія.

¹⁾ Правила § 2.

²⁾ Правила § 3.

³⁾ Правила § 4.

⁴⁾ Правила § 5.

Ко мнѣ подходитъ учитель-чуваши и съ спокойной совѣстью заявляетъ, что книгъ этихъ нѣтъ у учениковъ. Спрашиваю: „почему?“—„Да въ новыхъ правилахъ славянскій языкъ не значится, я и прекратилъ уроки славянскаго чтенія“. Приѣзжаю въ другое училище—Законоучитель съ выпускными учениками занимается на чувашскомъ языкѣ. Спрашиваю—„почему?“ Мнѣ опять отвѣчаютъ: „По новымъ правиламъ“. Вопросомъ существуетъ-ли данная школа на основаніи „*новыхъ правилъ*“, или она существуетъ „*на общихъ основаніяхъ*“, установленныхъ для начальныхъ училищъ имперіи или, наконецъ, на основаніи *особыхъ узаконеній для отдѣльных мѣстностей*, изданныхъ ¹⁾—никто не интересовался, а учащимъ изъ чувашъ и защитникамъ чувашской цивилизаціи, пожалуй, было и невыгодно интересоваться. Вѣдь, заниматься въ инородческой школѣ на родномъ языкѣ учащихся для учителя—инородца и легче и безопаснѣе въ случаѣ посѣщенія школы русскимъ ревизоромъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ школахъ, надо сознаться, до сихъ поръ не искоренился еще обычай „задаванія ученикамъ побольше исторій на домъ, чтобы они проходили ихъ самостоятельно“ ²⁾.

Приѣзжаю я, напр., въ ноябрѣ 1908 г. въ одно изъ училищъ района и застаю учениковъ старшаго отдѣленія за списываніемъ съ доски „*праздниковъ*“. При просмотрѣ ученическихъ тетрадей, мнѣ бросилось въ глаза отсутствіе собственныхъ чувашамъ ошибокъ и, чтобы выяснить это обстоятельство, я обратился къ ученикамъ съ вопросомъ, было ли содержимое тетрадей ими списываемо съ доски или оно имъ было продиктовано. „Нѣтъ“, отвѣтили мнѣ дѣти, „ба-тюшка намъ дастъ записочку, мы съ нея и списываемъ“.

Послѣ такого отвѣта, я одному изъ учениковъ предложилъ разсказать о распятіи Иисуса Христа и, когда мальчикъ сталъ разсказывать, я слѣдилъ за разсказомъ по тетрадкѣ. И что же? Ученикъ, не пропустивши ни буквы, отбарабанилъ мнѣ точь въ точь, какъ было записано. Я спросилъ другого ученика, другую статью—тоже самое. И сколько

¹⁾ Правила 1907 года.

²⁾ Изъ объясненія одного Законоучителя о причинахъ пропуска уроковъ.

учениковъ не было спрошено, каждый изъ нихъ передавалъ дословно, какъ было въ тетрадахъ. Это, впрочемъ, еще не все. Чтобы оцѣнить работу дѣтей и видѣть пользу отъ нея, необходимо ознакомиться съ самымъ матеріаломъ, который такъ старательно заучивался школьниками. Вотъ что было въ тетрадахъ:

Глумленіе надъ І. Х. и крестный путь ¹⁾.

Послѣ суда надъ І. Х. у Пилата войны еще надсмѣхались надъ Нимъ, а потомъ повели І. Х. на г. Голгоу на распятіе. Свой крестъ І. Х. несъ Самъ. За І. Х. шло много народу и многіе плакали. І. Х. сказалъ „не плачьте обо Мнѣ, а плачьте о себѣ“.

Смерть І. Х.

І. Х. распяли въ полдень. Вдругъ сдѣлалось темно. І. Х. воскликнулъ: „Или, Или? лима савахвани!“ Потомъ І. Х. сказалъ: „жажду!“ Дали пить, затѣмъ Онъ сказалъ: „совершилось“. Тутъ же воскликнулъ: „Отче, въ руки твои предаю духъ мой!“ и выпустилъ духъ своей. Въ это время завѣса церковная разорвалась, земля растряслась, гробы открылись. Стоявшіе тутъ съ ужасомъ воскликнули: „воистинну Онъ былъ Сынъ Божій!“

На другой день, въ субботу у Іудеевъ былъ самый большой праздникъ. Имъ не желательно было, что въ праздникъ тѣла умершихъ висѣли на крестѣ. Они попросили у Пилата снять тѣла распятыхъ. Пилать позволилъ.

Воздвиженіе честнаго и животъ. кр. Господ.

Мать римск. ц. Кон. Вел. равноапостосыная Елена хотѣла найти крестъ Господень и выстроилъ храмъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сказалъ Госп. Нашъ І. Х. Она съ большимъ трудомъ отыскала кр. Господень и выстроила хорошій храмъ.

Крестъ нашли въ пещерѣ. Въ пещерѣ было три креста, и нельзя было отличать кр. Господа. По молитвѣ народа отъ кр. Г. было чудо: Воскресъ мертвый. Христіане очень обра-

¹⁾ Здѣсь приводится только часть статей, но съ удержаніемъ правописанія подлинника.

довались, установили въ память этого праздникъ 14 сентября. Теперь крестъ Г. очень почится.

О службахъ.

Литургія вѣрныхъ начинается словами „Елицы вѣрніи и до конца. Пресуществованіе даровъ бываетъ во время „тебѣ поемъ“. Литургія совершается только въ церкви. Въ день только одинъ разъ.

На другой годъ и въ другой школѣ, но у того же Законоучителя (у него двѣ школы), мнѣ пришлось конфисковать у одной изъ ученицъ. „Тетрадь для записи содержанія уроковъ Закона Божія“ съ такими статьями:

Пророкъ Самуиль.

Въ городѣ Армаемѣ жили благочестивые старцы: елана и анна у нихъ не было дѣтей они просили у Бога дѣтища Богъ услышалъ ихъ молитву. и у нихъ родился сынъ назвали его Самуиль. Когда Самуилу было 3 года его привели въ скинію тогда первосвященникъ былъ Илій тамъ ему былъ голосъ отъ Бога Богъ открылъ ему что Онъ истребитъ домъ Ілія такъ и случилось послѣ ілія судьей былъ самуиль народъ его любилъ.

Слушая дословную передачу только что приведенныхъ „исторій“ мнѣ вспомнилось заявленіе четырехъ членовъ отдѣленія братства Трехъ Святителей, сдѣланное ими въ общемъ собраніи. Они сказали: „Лепеча на плохо понимаемомъ русскомъ языкѣ о Богѣ и другихъ высокихъ истинахъ и бессмысленно зазубривая уроки, дѣти теряютъ и то, что ими было пріобрѣтено въ первые два года. Религіозное образованіе есть единое на потребу, о которомъ первѣе всего слѣдуетъ хлопотать и ради котораго можно *принести не такую жертву*, какъ лепетаніе ученика—инородца на плохо понимаемомъ русскомъ языкѣ.

Для пользы дѣла необходимо установить общее правило преподавать Законъ Божій въ инородческихъ школахъ всѣхъ типовъ и вѣдомствъ обязательно на родномъ языкѣ учащихся въ продолженіи всего курсъ обученія“¹⁾.

¹⁾ Особое мнѣніе къ журналу общаго собранія Буинскаго отдѣленія Братства 3-хъ Святителей 10 іюля 1907 года.

И такъ, фактъ что въ инородческихъ школахъ въ преподаваніи Закона Божія практикуется „безсмысленное зазубриваніе уроковъ“, намъ подтверждаютъ сами. Законоучители. А для того, чтобы устранить это, чтобы вліять на учениковъ въ смыслѣ религіозно-нравственнаго возрожденія и воспитанія“, оказывается необходимо съечь на жертвенномъ огнѣ русскій языкъ и принять за общее правило Законъ Божій въ инородческихъ школахъ всѣхъ типовъ и вѣдомствъ преподавать исключительно на языкѣ учащихся.

Въ такомъ жертвоприношеніи я лично не вижу нужды и долженъ сознаться, что разсужденія о томъ, что русскій языкъ будто бы мѣшаетъ инородцамъ познать истиннаго Бога и что только ихъ родной языкъ говоритъ уму и сердцу, мнѣ очень напоминаютъ разсужденія прот. Мировольскаго о недостаткахъ въ системѣ инородческаго просвѣщенія, по поводу которыхъ Казанскій Епископъ Андрей въ „Моск. Вѣд.“ писалъ, что нужно имѣть величайшее легкомысліе, или другіе нравственныя дефекты, чтобы утверждать очевидныя несообразности. Система Ильминскаго никогда въ существѣ дѣла въ полномъ объемѣ и не примѣнялась, да и не примѣняется до сихъ поръ. Эту систему можно въ одной части формулировать такъ: „*безукоризненный пастырь и безукоризненное богослуженіе въ инородческомъ приходѣ*“. Между тѣмъ этого нѣтъ и до селѣ. А до самаго послѣдняго времени было вотъ что въ центрахъ отпаденія: въ Ишурмѣ былъ одинъ священный психически больной, въ Елышевѣ былъ пастырь, взыскивавшій ругу съ прихожанъ чрезъ мирового и т. д.“

Намъ думается, если въ приведенномъ возраженіи Преосвященнаго Андрея вмѣсто „безукоризненный пастырь и безукоризненное богослуженіе“ поставить „*безукоризненный законоучитель и безукоризненное посѣщеніе уроковъ*“ получится самое вѣрное опредѣленіе того, что нужно для успѣшности религіозно-нравственнаго воспитанія инородцевъ. Дѣло не въ языкѣ—дѣло въ преподающемъ. Изученіе русскаго языка въ прежнее время дѣйствительно составляло для инородцевъ трудъ, но теперь уже не то, труда такого теперь нѣтъ и гдѣ Законоучитель любитъ свое дѣло, гдѣ онъ отдается ему, тамъ нѣтъ бессмысленной зубрежки, а есть теплая сердечная беседа Законоучителя—отца съ дѣтьми и дѣти, слѣдя за каждымъ словомъ наставника, не только приобрѣтаютъ прочныя

знанія, но и находятъ путь къ царству Божию и правдѣ Его.

Если же Законоучитель будетъ поручать преподаваніе Закона Божія, окончившимъ въ школѣ ученикамъ съ вознагражденіемъ по гривеннику за урокъ, (это фактъ), или являться въ школу и задавать уроки авансомъ на недѣлю—не поможетъ дѣлу и родной языкъ.

Пріѣзжаю я въ 1911 г. 11 марта въ 9¹/₂ часовъ утра въ одну изъ школъ и, просматривая настольный журналъ, гдѣ записывается что въ каждый день дѣлалось, въ графѣ, предназначенной для записи уроковъ Закона Божія, читаю:

„11 марта. Объясненіе Символа вѣры“.

„12 марта Первый членъ“.

„13 — Второй членъ“.

„14 — Онъ же“.

„15 — Третій, 4, 5 и 6 члены“.

Спрашиваю учителя: „которое сегодня число?“—„11-е“.
„А который идетъ урокъ?“—„Первый“.

Оказывается запись была сдѣлана наканунѣ—10 марта.

Вотъ, по нашему, одна изъ наиболѣе распространенныхъ причинъ изгнанія русскаго языка изъ школы.

Есть впрочемъ и еще одна причина нерасположенія инородцевъ къ русскому языку, но о ней, какъ внѣшкольной, мы говорить не будемъ.

Для насъ наиболѣе важнымъ и болѣе интереснымъ является двойственность предъявляемыхъ къ школѣ требованій: низшее сословіе чувашъ, приводя дѣтей въ школы, требуетъ, чтобы школа приготовила ихъ болѣе свободно добывать средства къ жизни, а для этого научила бы возможно лучше владѣть разговорнымъ русскимъ языкомъ, читать русскую книгу и писать по-русски, тогда какъ чувашская интеллигенція съ „русскими“ приспѣшниками селятся доказать, что „изученіе русскаго языка отнимаетъ у инородцевъ много дорогого времени, которое можно было бы употребить на что нибудь болѣе полезное, что христіанскія истины проповѣдывать на немъ положительно нельзя, такъ какъ только родной языкъ говорить уму и сердцу инородца ¹⁾“.

Кто же здѣсь правъ—родители или г.г. чувашскіе интеллигенты съ ихъ сторонниками?

¹⁾ Особое мнѣніе къ журналу Братства 10 іюля 1907 г.

Ближайшій сотрудникъ Ильминскаго и преемникъ его по должности директора, созданной Ильминскимъ Казанской учительской семинаріи, Н. А. Бобровниковъ по данному вопросу вотъ что высказалъ 28 мая 1905 г. на совѣщаніи по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ: „Допуская теоретически возможность измѣненія изъ православной инородческой школы преподаванія Закона Божія на русскомъ языкѣ и исключенія изъ программы этой школы языка церковно-славянскаго (tempora mutantur), я думаю, что это будетъ не развитіе, а извращеніе мысли Ильминскаго. Православные инородцы, какъ члены русской церкви, по мысли Ильминскаго должны считать церковно-славянскій текстъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ за основной, авторитетный. Инородческій переводъ—лишь мостъ пособіе, толкованіе для перехода, на высшихъ ступеняхъ развитія, къ этому тексту“¹⁾.

Самъ Н. И. Ильминскій не разъ, не два, а многократно повторялъ, что высшая цѣль просвѣщенія инородцевъ есть сообщеніе имъ „Русскаго образованія на русскомъ“ языкѣ“²⁾.

Если же это такъ—мы должны признать, что правы родители—мужички, и стремленіемъ народной массы къ сближенію съ русскими надо дорожить и пользоваться. Упустивъ изъ вида стремленіе инородцевъ къ русской цивилизаціи, забывъ основную задачу—сообщеніе инородцамъ „православно-русскаго образованія“³⁾, „народно-русскаго просвѣщенія на религіозной, православно-христіанской основѣ“⁴⁾, „можно создать совершенно новый, небывалый и искусственный типъ просвѣщенія—„христіанско-инородческій“.

Вмѣсто того, чтобы возвысить инородцевъ до православно-русской цивилизаціи—цивилизацию эту можно принизить до невысокаго уровня инородцевъ. Вѣдь „мѣра инородческаго разума, по признанію Ильминскаго, самая маленькая“⁵⁾ „мышленіе ихъ весьма простое, незатѣйливое“⁶⁾, „инородче-

¹⁾ Труды особаго совѣщанія по вопросамъ образованія восточныхъ инородцевъ 1905 года стр. 263, 264.

²⁾ Свѣдѣн. о крещ.—тат. школ. стр. 9; Каз. центр.—кр. тат. школа стр. 222; Письм. Ильминск. стр. 336.

³⁾ Каз. центр. кр.—тат. школа стр. 207.

⁴⁾ Письм. Ильминск. стр. 50.

⁵⁾ О переводѣ христ. вѣн. стр. 5.

⁶⁾ Тамъ же стр. 5, 6.

свѣ языки не отличаются богатствомъ и разнообразіемъ словъ“¹⁾.

При такой характеристикѣ умственнаго кругозора инородцевъ отстаивать просвѣщеніе чувашъ на ихъ родномъ языкѣ, или требовать наиболѣе широкаго примѣненія въ школахъ родного языка учащихся можетъ только тотъ, кто не желаетъ инородцамъ добра или кто преслѣдуетъ какія либо „особыя цѣли“.

Познакомившись, на сколько это было возможно, съ системой инородческаго просвѣщенія, съ организаціей инородческой школы, съ существующими въ ней аномаліями, перейдемъ теперь къ болѣе близкому намъ вопросу—къ вопросу о томъ, есть ли въ нашемъ уѣздѣ инородческія школы и сколько ихъ, а для этого заглянемъ въ хронологію школъ.

Просматривая списоки училищъ Буинскаго уѣзда, мы, прежде всего находимъ, что въ немъ стоятъ 4 училища открытыя въ 1839 г.; 12—въ 1840 г., 4—въ 1841 г., 2—въ 1861 г., 3—въ 1862 г., 3—въ 1863 г., 1—въ 1866 г. и 2—въ 1867 г. Если мы поинтересуемся узнать, что это были за училища—можемъ найти, что это или школы бывшихъ государственныхъ крестьянъ, или крестьянъ удѣльнаго вѣдомства.

Съ изданіемъ 25 мая 1874 г. Положенія о начальныхъ народ. училищахъ. Первые изъ указанныхъ училищъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 11 февраля 1867 года мѣрнія Госуд. Совѣта, а вторыя—отношенія Министра Императорскаго двора отъ 31 января 1868 г., перешли въ вѣдѣніе училищныхъ Совѣтовъ и согласно пун. 2 ст. 3470 т. XI Свод. зак. вошли въ составъ начальныхъ училищъ по Пол. 1874 года.

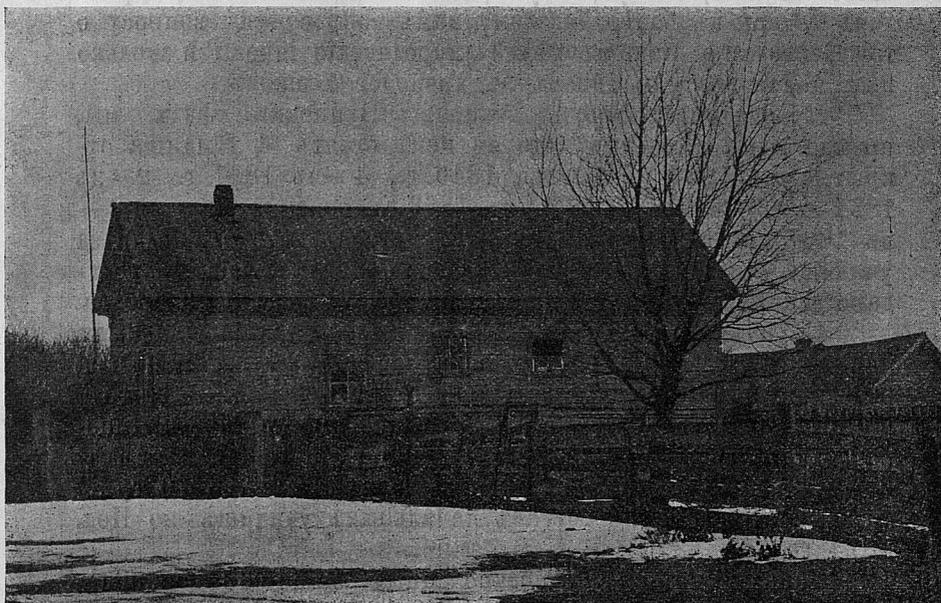
Такимъ образомъ перечисленныя выше 32 училища, какъ открытыя до изданія правилъ 1870 г. и какъ подчиненныя Пол. о начальныхъ училищ. 1874 г., къ разряду училищъ, существующихъ по правиламъ о начальныхъ училищахъ для инородцевъ отнесены быть немогутъ.

Дальше въ рассматриваемомъ нами спискѣ имѣются 4 двухклассныхъ и 26 одноклассныхъ министерскихъ училищъ, т. е., 30 училищъ такого типа, какового въ правилахъ 1870 г. нѣтъ.

¹⁾ Къ исторіи инородческихъ переводовъ, стр. 28.

При издании правил 1 ноября 1907 г. в пун. 2-й, положимъ, внесено дополнение, что „училища для инородцевъ учреждаются какъ *одноклассныя* такъ и *двухклассныя*“, но дополнение это по отношенію нашихъ министерскихъ училищъ является запоздалымъ, такъ какъ онѣ открыты до изданія правилъ 1907 года.

Въ дѣлахъ инспекціи, впрочемъ, можно встрѣтить бумаги, гдѣ при названіяхъ министерскихъ училищъ имѣются опредѣленія „инородческое“, но это, намъ думается, просто канцелярскія описки.

Зданіе удѣльнаго училища въ с. Тойсахъ. Справа 3 окна классной комнаты, лѣвѣе и ниже ихъ окно изъ кухни учителя, а съ лѣвой стороны зданія виднѣются окна квартиры учителя.

Нельзя допустить, чтобы Учебный Округъ возбуждалъ въ 1897 г. ходатайство, а министерство разрѣшало напр. Кошбинское одноклассное „инородческое“ Мин. Нар. Пр. училище преобразовать въ такое же двухклассное, когда такихъ училищъ закономъ не установлено. Что выраженіе „инородческое“ министерское училище—описка, это подтвержда-

ется и наблюдаемыми въ перепискѣ противорѣчіями. Въ журналѣ напр. Буинскаго Земскаго Собранія 25 октября 1896 года читаемъ: „А. К. Сусанинъ заявилъ, что въ с. Кошки-Ново-Тимбаевѣ выстроено прекрасное училищное зданіе, почему онъ полагалъ бы ходатайствовать о преобразованіи существующаго здѣсь „однокласснаго *Министерскаго*“ училища въ „двухклассное“. Заявленіе Сусанина поддержалъ съ своей стороны инспекторъ чувашскихъ школъ Яв. Я. Явовлевъ. Собраніе постановило: „поручить Управѣ возбудить ходатайство о преобразованіи Кошкинскаго „однокласснаго“ училища съ пособіемъ отъ земства въ 100 рублей“.

Въ послѣдовавшемъ по этому поводу представленіи бывшаго инспектора чувашскихъ школъ Попечителю Округа отъ 13 января 1897 г. мы находимъ: „Въ Буинскомъ очередномъ земскомъ собраніи, бывшемъ въ октябрѣ 1896 года, гласный отъ крестьянъ, Сусанинъ, предложилъ возбудить вопросъ предъ учебнымъ начальствомъ о преобразованіи Кошкинскаго „однокласснаго инородческаго“ Мин. Нар. Пр. въ двухклассное, а потому“ и т. д.

Приговорами сельскихъ сходовъ кр. д. д. Дрожжаной Кустъ и Хайбулдиной отъ 3 февраля 1897 г. было опредѣлено: „ходатайствовать предъ учебнымъ начальствомъ объ открытіи въ д. Дрожжаной Кустъ „однокласснаго“ Мин. Нар. Пр. училища“, а приговорами крестьянъ деревень Тугаевой отъ 17 іюня 1897 г., Старыхъ Выслей отъ 19 того же іюня и Новой Муратовой отъ 22 іюня того же года: ходатайствовать объ открытіи „однокласснаго *Мин. Нар. Пр.* училища“ въ д. Тугаевой.

Бывшій инспекторъ чувашскихъ школъ, представляя 6 марта 1898 года за № 219, перечисленные приговора въ Учебный Округъ, просилъ послѣдній ходатайствовать предъ министерствомъ о разрѣшеніи открыть въ указанныхъ деревняхъ одноклассныя „инородческія“ Мин. Нар. Пр. училища.

А г. Министръ Нар. Просвѣщ. предложеніемъ отъ 8 іюля 1900 года за № 14993 назначилъ по 113 руб. на учрежденіе въ деревняхъ: Дрожжаномъ Кустѣ, Тугаевѣ и Бюрганахъ „одноклассныхъ сельскихъ училищъ *Мин. Нар. Пр.*

Этихъ примѣровъ, думается, вполне достаточно, чтобы видѣть, что приставляемое въ ходатайствахъ къ названіямъ министерскихъ училищъ слово „инородческое“, принадлеж-

ности этихъ училищъ въ числу таковыхъ по правиламъ 1870 года не обозначало, а писалось, просто, по ошибкѣ или для того, чтобы пояснить, что данное училище, открываемое по инструкціи 1875 года, имѣетъ обслуживать чувашское населеніе.

Такъ это было или нѣтъ — для насъ собственно и не важно, для насъ существенно то, что 30 двухъ и одноклассныхъ училищъ Буинскаго уѣзда открыты по инстр. 4 іюня 1875 г., а не по прав. 1870 или 1907 г.

За Министерскими училищами въ хронологическомъ спискѣ слѣдуютъ училища: Аркаевское, Бичурга-Баишевское, Рунгинское и открытыя по плану всеобщаго обученія. Типъ этихъ училищъ благодаря сравнительно недавнему открытію ихъ всеѣмъ хорошо извѣстенъ и говорить о немъ нѣтъ надобности.

Суммируя извлеченныя изъ хронологическаго списка данныя, мы приходимъ къ заключенію, что „инородческихъ“ школъ типа Ильминскаго въ Буинскомъ уѣздѣ собственно нѣтъ, а есть училища, существующія по Пол. о нач. нар. училищахъ 25 мая 1874 года и по инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ. Мин. Нар. Пр. 4 іюня 1875 года съ увеличеніемъ курса обученія въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ учатся дѣти чувашъ, до четырехъ лѣтъ и съ *примѣненіемъ* въ такихъ школахъ *родноіа языка учащихся какъ средства преподаванія*. Такая организація школъ вполне законна и наблюдается не только въ нашемъ уѣздѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Казанскаго, Оренбургскаго и Западно-Сибирскаго учебныхъ округовъ. Что отмѣченная организація школъ законна, это подтверждаетъ пун. „в“ правилъ для инородческихъ школъ 26 марта 1870 г., въ которомъ сказано „для достаточно обрусѣлыхъ инородцевъ, живущихъ смѣшанно съ русскими или сплошными населеніями, учреждаются начальныя народныя училища *на общихъ для русскихъ училищъ основаніяхъ*“.

Правилами 1 ноября 1907 г. этотъ пунктъ не только не отмѣненъ, а наоборотъ подтвержденъ. Въ нихъ изложено: „Начальныя училища для инородцевъ разрѣшается учреждать, какъ *на общихъ основаніяхъ*, установленныхъ для начальныхъ училищъ имперіи, такъ и“..

Что школы указанной организаціи являются замѣстительницами школъ типа Ильминскаго, на это указываетъ

намъ отмѣчаемое тайнымъ совѣтникомъ А. С. Будиловичемъ въ отчетѣ 1904 г. почти полное отсутствіе свѣдѣній объ инородческихъ школахъ.

А. С. Будиловичъ говоритъ:

„Въ представленной мнѣ *Казанскимъ* директоромъ вѣдомости школъ, выдѣлены только 14 училищъ русско-татарскихъ, всѣ же остальные инородческія отдѣльно не показаны“. „Нельзя, къ сожалѣнію, найти точныхъ данныхъ по статистикѣ инородческихъ школъ и въ отчетахъ Казанскаго епархіальнаго наблюдателя“ (стр. 52).

„Переходя къ инородческимъ школамъ *Симбирской губ.*, я прежде всего долженъ выразить сожалѣніе, что въ представленной мнѣ директоромъ вѣдомости, изъ общей группы училищъ 1059 выдѣлено лишь 10 русско-татарскихъ“ (стр. 80).

„Что касается инородческихъ школъ типа Ильминскаго, то онѣ въ *Саратовской* дирекціи въ вѣдомости начальныхъ училищъ не выдѣлены ни въ рубрикѣ о числѣ училищъ, ни въ рубрикѣ о числѣ учащихся“ (стр. 92).

„Инородческо-чувашскія и мордовскія школы въ *Самарской губ.* организованы отчасти по типу Ильминскаго, отчасти же по общему. Къ первой группѣ принадлежатъ собственно двѣ лишь школы: Девливерьинская и Старо-Ганьвинская. Всѣ остальные чувашскія и мордовскія школы этой губерніи, по своему учебному плану и методамъ преподаванія, почти не отличаются отъ русскихъ общаго типа“ (стр. 101, 104).

„Мнѣ представляется, однако, подозрительнымъ, что въ отчетахъ *Пермской* дирекціи въ отдѣлѣ инородческихъ школъ совершенно отсутствуютъ данныя о постановкѣ въ нихъ учебнаго дѣла. Не говорится даже объ отношеніи этихъ школъ въ программѣ Ильминскаго“ (стр. 147).

„Что касается инородческихъ школъ *Западно-Сибирскаго округа*, то въ дѣлахъ его, и въ доступныхъ мнѣ отчетахъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, я не нашелъ никакихъ почти указаній по этому предмету“ (стр. 199).

Только что приведенныя здѣсь замѣчанія А. С. Будиловича въ связи съ особенностями нѣкоторыхъ ходатайствъ объ открытіи „инородческихъ“ училищъ, какъ нельзя лучше подтверждаютъ высказанное Преосвященнымъ Никандромъ мнѣніе, что инородческій вопросъ о чувашахъ и татарахъ поддерживается

нынѣ искусственно. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ не стремленіемъ къ искусственной поддержкѣ инородческой школы можно объяснить отмѣченныя выше приставки къ названіямъ школъ „инородческая“?

А о чемъ, какъ не о той же искусственности говорятъ намъ замѣчанія, что въ трехъ учебныхъ округахъ объ инородческихъ школахъ нѣтъ почти никакой статистикѣ? А. С. Будиловичъ, какъ человекъ науки, смотрѣлъ на инородческую школу съ свойственной ему академичностью и, найдя развитіе школъ типа Ильминскаго слабымъ, въ своемъ отчетѣ объяснилъ это вліяніемъ магометанской пропаганды и какимъ то російскимъ недомыслиемъ, между тѣмъ мы, живущіе рядомъ съ чувашами, татарами, мордвами и вдыхающіе одинъ съ ними воздухъ, подобнаго на наблюдаемомъ. Отсутствіе или, говоря точнѣе, недоставленіе свѣдѣній объ инородческихъ школахъ по нашему не плодъ магометанской пропаганды и не російское недомысліе, а простое недоразумѣніе или вѣрнѣе—разнорѣчіе: ревизующій желалъ видѣть и ждалъ свѣдѣній объ инородческой школѣ въ „чистѣйшемъ“, такъ сказать, видѣ типа Ильминскаго, между тѣмъ жизнь за 50-лѣтній періодъ существованія системы Ильминскаго школу эту постепенно сближала съ русской школой и въ концѣ концовъ замѣнила школой общаго типа съ примѣненіемъ лишь родного языка учащихся, какъ средства преподаванія и съ прохожденіемъ, въ угоду чувашамъ, чувашской азбуки. Въ мордовскихъ школахъ даже и этого нѣтъ. Мордовской азбуки въ нихъ не учатъ, разговорнымъ языкомъ почти не пользуются, а въ Петровскомъ уѣздѣ, Саратовской губ. во всѣхъ мордовскихъ школахъ даже существуетъ 3-хъ годичный курсъ. Объ инородческихъ школахъ, о системѣ Ильминскаго въ продолженіи 12 лѣтняго пребыванія въ составѣ Петровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта мнѣ не пришлось слышать ни слова, хотя мордва живетъ тамъ такими селами, какъ Савино, Пылково, Старо-Славкино, Старо-Захаркино и др.

Нужно сознаться, что происшедшая компенсація школъ въ связи съ наблюдаемымъ среди чувашъ и даже татаръ стремленіемъ къ изученію русскаго языка, какъ то невольно натолкнула насъ на мысль: да есть ли чуваша и мордва народъ другого, чужого намъ племени, или есть ли они „инородцы“?

Зная чувашъ инспекторовъ, священниковъ, учителей и сопоставляя ихъ съ русскими инспекторами, священниками и учителями въ общемъ какой либо рѣзкой разницы мы не обнаружили.

Чтобы придти по данному вопросу къ какому нибудь болѣе опредѣленному отвѣту, мы справились въ матеріалахъ всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 1897 г. и здѣсь въ таблицѣ XXII прочитали, что въ Буинскомъ уѣздѣ числится всего 80624 д. чувашъ и 6847 д. мордвовъ, а въ таблицѣ XXIV въ графѣ „инородцы“ таковыхъ не нашли ни одной единицы. Это обстоятельство побудило насъ искать разъясненія въ законахъ и вотъ послѣ долгихъ и упорныхъ поисковъ удалось наконецъ найти въ IX томѣ Свод. Зак. изд. 1899 г. ст. 762, а въ ней прочитать:

„Къ числу обитающихъ въ Россійской имперіи инородцевъ принадлежатъ: 1) Сибирскіе инородцы, 2) Самоѣды Архангельской губ., 3) кочевые инородцы Ставропольской губ., 4) Калмыки, кочующіе въ Астраханской губ., 5) Киргизы внутренней Орды, 6) инородцы областей, Аемолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, 7) инородческое населеніе Закаспійской области, 8) евреи.

И такъ, чуваша Россійскими законами къ числу „инородцевъ“ не причислены.

Не считая себя въ правѣ входить по данному вопросу въ какія бы то не было разсужденія, ибо Законъ распространительному толкованію не подлежитъ, мы вернемся теперь къ рекомендованному Протоіеремъ А. Соколовымъ способу изученія въ чувашскихъ школахъ русской азбуки раньше чувашской и посмотримъ, какіе результаты далъ намъ годичный опытъ примѣненія такого способа.

Постановленіемъ уѣзднаго училищнаго совѣта 7 іюля 1912 г. какъ извѣстно, было поручено мнѣ предложить учащимъ чувашскихъ школъ въ предстоящемъ 1912—1913 учебномъ году начать обученіе вновь принятыхъ учащихся не съ чувашской азбуки, какъ было до сихъ поръ, а съ русской, подготовивъ къ этому дѣтей усиленными занятіями разговорнымъ языкомъ; съ отличительными буквами чувашской азбуки и съ чувашскимъ чтеніемъ рекомендовалось познакомить по изученіи русскаго алфавита.

Не подлежит сомнѣнію, что то или иное количество предварительныхъ уроковъ разговорнаго языка находилось въ полной зависимости отъ того, на сколько въ данной мѣстности среди чувашъ развитъ разговорный русскій языкъ. Изъ приведенныхъ ниже отчетовъ учащихся мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ школахъ, по мѣстнымъ условіямъ, въ подготовительныхъ разговорныхъ урокахъ не было даже нужды и они не велись.

Дѣлая распоряженіе о примѣненіи новаго способа обученія чувашскихъ дѣтей грамотѣ и вмѣняя при этомъ учащимъ въ обязанность по окончаніи учебнаго года представить отчеты о достигнутыхъ результатахъ, я, хотя, и просилъ послѣднихъ излагать въ отчетахъ свои наблюденія возможно откровеннѣе, но на полученіе правдивыхъ отвѣтовъ, сознаюсь, не раѣчитывалъ. Зная по личному наблюденію подѣ какимъ гипнозомъ находятся учителя и учительницы чувашскихъ школъ, я заранѣе былъ увѣренъ, что предложенный Совѣтомъ способъ обученія дѣтей въ чувашскихъ школахъ, если не будетъ признанъ безусловно вреднымъ, разрушающимъ систему Н. И. Ильминскаго, то будетъ забравованъ. Дѣйствительность однако дала намъ совершенно противоположное.

Изъ 24 учащихся, подписавшихъ отчеты о результатахъ примѣненія новаго способа прохожденія русской азбуки въ чувашскихъ школахъ, только четверо высказались противъ него, трое дали отвѣты двойственные (и за и противъ), а 17 высказались за его преимущества.

Заглянувши въ формуляры этихъ учителей, мы видимъ, что первую и вторую группы составляютъ исключительно учителя-чуваши, а изъ нихъ четверо питомцы Сибирской чувашской школы, трое—Казанской учительской семинаріи; по службѣ—это учителя и учительницы молодые, только что начинающіе.

Въ составъ третьей группы входятъ 11 чувашъ и 6 русскихъ, изъ нихъ 5 питомцевъ Симбирской чувашской школы, 2—Казанской учительской семинаріи и 10—имѣютъ званія учителей: $\frac{1}{2}$ „послужившіе“. Одинъ изъ учителей первой группы, служащій 2-й годъ въ отчетѣ, пишетъ:

„Сравнивая достигнутые мною успѣхи въ обученіи грамотѣ съ тѣми, какія получались у насъ въ Казанской учительской семинаріи при занятіяхъ на родномъ языкѣ дѣтей—инородцевъ, долженъ сказать, что тамъ усвоеніе механизма

*1. по продолжительности службы
— это учителя*

чтенія не было сопряжено съ такими трудностями и цѣль достигалась легче и скорѣе. Успѣхи по ариеметикѣ получались нѣсколько *меньше значительны въ количественномъ отношеніи*, чѣмъ получались у насъ въ Семинаріи, *гдѣ преподаваніе предмета шло въ первый годъ на родномъ языкѣ инородцевъ*, при преподаваніи ариеметики на русскомъ языкѣ довольно много времени уходило на заучиваніе названій цифръ, чиселъ, дѣйствій. При преподаваніи же этого предмета на родномъ языкѣ дѣло значительно облегчается тѣмъ, что дѣти уже *при поступленіи въ училищъ знакомы съ нѣкоторыми названіями цифръ, чиселъ и даже съ начатками счисленія*.

Въ заключеніе могу сказать, что развитіе учениковъ за учебный годъ поднялось довольно достаточно, механизмъ чтенія усвоенъ хорошо, доступныя статьи читаютъ дѣти осмысленно, на вопросы по-русски отвѣчаютъ довольно свободно. Считаютъ дѣти удовлетворительно, выражая отвѣты задачъ и дѣйствій достаточно свободно на русскомъ языкѣ“.

Питомица чувашской школы, служащая также 2-й годъ, пишетъ:

„Предварительные разговорные уроки велись двѣ недѣли, Законъ Божій проходилъ на родномъ языкѣ учащихся, письмо и ариеметика, какъ и всегда, смѣшанно, т. е. по-чувашски и по-русски. *Читаютъ ученики механически, не понимая значеній словъ*, также *механически отвѣчаютъ и на вопросы*; тоже бываетъ и при рѣшеніи задачъ, что показываетъ на безсознательное отношеніе къ вопросамъ.

Въ сравненіи съ своими прежними учениками (служа всего второй годъ, съ первогодками учительница имѣетъ дѣло въ первый разъ), мнѣ кажется, что *быстрота чтенія та же, но степень пониманія ниже*. Тамъ на первыхъ же порахъ ученики читаютъ слова имъ понятныя, близкія, а потому къ чтенію относятся съ интересомъ, а тутъ только послѣ нѣкотораго усилія понимаютъ и то съ помощью учителя. Русское чтеніе на первыхъ порахъ инородческимъ дѣтямъ весьма трудно и у нихъ пропадаетъ желаніе учиться. Чувашское же чтеніе ими усваивается легче, а потому обученіе грамотѣ лучше начинать съ чувашскаго алфавита. Вообще въ чувашскихъ школахъ въ первые два года русскимъ языкомъ, *какъ орудіемъ преподаванія пользоваться невозможно“*.

Третій учитель также питомецъ чувашской школы послѣ двухъ лѣтъ службы излагаетъ:

„Чтеніе двухсложныхъ словъ съ двумя звуками въ каждомъ не такъ сильно затрудняло учениковъ. Гораздо большую трудность учения встрѣтили при чтеніи словъ съ двумя согласными и словъ трехсложныхъ. Особенно же большую трудность, даже очень большую, для учениковъ составляло чтеніе дѣльныхъ предложений, въ виду того, что слова въ этихъ предложенияхъ (помещенныхъ въ концѣ букваря Михеева) напечатаны безъ раздѣленія ихъ на слоги. При чтеніи такихъ предложений требовалось чрезвычайно много усилій со стороны учителя, чтобы большая часть учениковъ научилась связно прочесть все предложение. Меньшая часть учениковъ *такъ и не научилась на урокахъ читать* эти предложения и имъ *предлагалось научиться читать дома* отъ своихъ болѣе способныхъ товарищей. На урокахъ русскаго чтенія дѣти мало проявляли живости, интереса къ работѣ, ихъ вниманіе разсѣивалось посторонними предметами; они начинали шалить. *При требованіи же быть внимательными* и сидѣть смирно, они начинали сильно скучать и проявлять безучастіе къ работѣ. Такое отношеніе къ работѣ со стороны дѣтей вызывалось, какъ мнѣ кажется, *непонятностью, чуждостью, а потому неинтересностью* того, надъ чѣмъ заставляли ихъ работать.

На наученіе дѣтей механизму чтенія тратится безъ особенной пользы много лишняго времени и силъ дѣтей. Гораздо скорѣе и легче можно бы научить этому на чтеніи понятнаго матеріала по чувашскому букварю. Чтеніе по русскому букварю прежде чувашскаго неблагопріятствуетъ сворому наученію дѣтей русскому языку по слѣдующей причинѣ. На каждомъ урокѣ чтенія дѣтямъ приходится прочитывать 15—20 словъ изрѣдка только меньше и больше этого. Понятно, что въ одинъ часъ (точнѣе 40—45 минутъ) невозможно дѣтямъ усвоить такое количество словъ, такъ какъ почти все время на урокѣ проходитъ на прочтеніе этихъ словъ. Прочитывать же на урокѣ небольшое количество словъ или дѣлать повтореніе прочитанныхъ раньше невозможно, потому что въ этомъ случаѣ слишкомъ много времени нужно было бы на прочтеніе словъ подобранныхъ для упражненій и, слѣдовательно, дѣти слишкомъ нескоро научились бы *механическому чтенію*,

что должно быть достигнуто скорѣе, чтобы потомъ можно было бы направлять силы учениковъ на болѣе продуктивныя работы. Такимъ образомъ остается на первый планъ поставить *чтеніе словъ, имѣющее цѣлью научить просто механизму чтенія*, удовлетворяя требованію сознательности чтенія только переводомъ прочитанныхъ словъ на чувашскій языкъ и представляя памяти учениковъ удерживать тѣ слова, которыя легки и забывать тѣ, которыя трудны для запоминанія.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что изученіе русскаго алфавита и чтеніе по русскому букварю прежде чувашскаго букваря *неспособствуетъ успѣшности обученія дѣтей чувашъ, а напротивъ задерживаетъ достиженіе дѣтьми успѣховъ въ усвоеніи русскаго языка и свѣдѣній изъ другихъ предметовъ курса начальной школы*“.

Отвѣты остальныхъ противниковъ примѣненія новаго способа прохожденія русскаго алфавита чего-либо особеннаго по сравненію съ вышеприведенными, не содержатъ и чего-либо новаго въ оцѣну отзывовъ учащихся, высказавшихся противъ предложеннаго способа изученія русскаго алфавита, не даютъ, почему здѣсь и не приводятся.

Переходя теперь къ оцѣнкѣ приведенныхъ выше отчетовъ, мы находимъ, что ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы сказать, что предложенный училищнымъ совѣтомъ способъ обученія чувашъ русской грамотѣ дѣйствительно хуже практикующагося, а тѣмъ болѣе невозможенъ.

Допущенныя въ отчетахъ сравненія учениковъ начальной сельской школы съ учениками образцоваго училища при Казанской Учительской Семинаріи и указаніе на то, что будто бы 1) „успѣхи получались нѣсколько *меньше значительны въ количественномъ отношеніи*“, 2) „что дѣти (инородцы) при поступленіи въ училище *знакомы съ нѣкоторыми названіями цифръ, чиселъ и даже съ начатками численія*“, 3) что „читаютъ ученики *механически*, не понимая значенія словъ, также механически отвѣчаютъ и на вопросы“, 4) что „имъ (дѣтямъ) *предлагалось научиться читать дома* отъ болѣе способныхъ товарищей“ и, наконецъ, 5) что „при *требованіи* быть внимательными и сидѣть смирно, дѣти начинали сильно скучать и проявлять безучастіе къ работѣ“, по нашему свидѣтельству не о томъ, что новый способъ не пригоденъ, а единственно о томъ, что авторы отчетовъ молоды, неопытны.

Учитель-педагогъ не только не предложитъ, но и не *позволитъ* своимъ ученикамъ *учиться читать дома*, съ какими то болѣе способными товарищами, онъ не будетъ и *„требовать быть внимательными“*, такъ какъ *требованіемъ* заставить дѣтей быть внимательными нельзя, а можно вызвать ихъ вниманіе лишь *умѣлымъ веденіемъ занятій*, какъ равно умѣлымъ же веденіемъ учебнаго дѣла изгоняется изъ школы и *безмысленное механическое чтеніе*.

Учителя, проработавшіе на школьной нивѣ болѣе или менѣе значительное число лѣтъ и обладающіе благодаря этому большимъ опытомъ, большимъ знаніемъ школы, въ предложенномъ способѣ обученія учениковъ чувашскихъ школъ русской грамотѣ усмотрѣли совершенно обратное. Вотъ что пишетъ въ отчетѣ учитель-чувашъ, питомецъ чувашской школы, прослужившій 8 лѣтъ:

„Я предварительныхъ *разговорныхъ уроковъ не дѣлалъ*, а принялся прямо за звуковыя упражненія, что, по-моему, вполне возможно, такъ какъ въ чувашскомъ языкѣ масса русскихъ словъ, напримѣръ, „игун-икона“, „лампа лампа“, „сахар-сахаръ“, „парыш барышъ“, „пѣтавка-пудовка“ и т. д. Вотъ такими то словами я и пользовался на первыхъ урокахъ. Эти русскія слова, какъ сходныя съ чувашскими, запоминались очень легко. Изученіе русскаго алфавита было начато 19 сентября и кончено 16 ноября. Чувашскій алфавитъ ученики совершенно не учили, а имъ были *показаны лишь тѣ буквы, которыхъ въ русской азбукѣ нѣтъ*, или которыя имѣютъ что-либо отличительное. *По нисѣму при старомъ способѣ*, т. е. когда сначала изучали чувашскій алфавитъ, а потомъ русскій, *ученики писали болѣе правильно по-чувашски, а теперь на оборотѣ*. Прежде напримѣръ русскія слова: „ясно, былъ, южный“, ученики писали йасно, пылъ, йушный, а теперь чувашскія слова: „йупа“ (столбъ), „йен“ (сторона)

(пишутъ такъ: „юба“ ень.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что для усвоенія русскаго языка новый способъ преподаванія болѣе подходящий, чѣмъ старый. Вообще, *относительно результатовъ, достигнутыхъ при этомъ способѣ, можно сказать, что они лучше чѣмъ при старомъ*, такъ какъ ученикамъ приходится здѣсь больше имѣть дѣло съ русскими словами: *ученики лучше читаютъ, лучше пишутъ, да и рѣчь является болѣе развитой*.

Задачи ученики въ первый же годъ рѣшаютъ уже на русскомъ языкѣ и довольно сносно.

Препятствіемъ къ веденію занятій такимъ путемъ служитъ отсутствіе подходящаго учебника, такъ какъ бугварь и первая книга для чтенія Михеева составлены для прохожденія ихъ послѣ изученія чувашскаго бугваря. Для прохожденія русскаго бугваря раньше чувашскаго необходимо бугварь съ другимъ расположеніемъ бугваря, съ другимъ подборомъ словъ и предложеній.

Другой учитель изъ чувашъ, служащій 6-й годъ, даетъ такое заключеніе:

„Чтеніе и письмо при такихъ занятіяхъ, какъ русское, такъ и чувашское, не страдаютъ, а первое даже выигрываетъ. Учащіеся, по сравненію съ учениками предыдущаго пріема, оказали большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ, не страдая и по остальнымъ предметамъ.

Вообще при условіи изученія русскаго алфавита раньше чувашскаго замѣчаются большіе успѣхи, какъ въ разговорномъ русскомъ языкѣ, такъ равно и въ чтеніи“.

Учительница-чувашка послѣ 5 лѣтъ службы излагаетъ: *„Въ чтеніи и письмѣ для инородцевъ составляютъ особенное затрудненіе звуки „б“ и „н“ „д“ и „т“, „г“ и „ж“, „ш“ и „з“ и „с“, на которые приходится обращать особенное вниманіе. Русскій алфавитъ проходилъ до конца ноября, а дальше до новаго года ученики упражнялись въ чтеніи исключительно русскаго текста“.*

Послѣ новаго года ученикамъ были объяснены особенности чувашскаго языка, показаны отличные отъ русскихъ буквы: а, е, у и чрезъ 4—5 уроковъ упражненій съ этими буквами ученики стали свободно читать чувашскій текстъ.

По моему, этотъ способъ занятій *очень удобный и для инородцевъ подходящий*; благодаря такому способу можно достигнуть хорошихъ результатовъ, можно скорѣе выучить учениковъ русскому языку.

Учитель, служащій 9-й годъ, пишетъ:

„Изученіе русскаго алфавита было начато съ 15 сентября и окончено 15 декабря. Учащіеся моего класса, начавъ изученіе грамоты съ русскаго алфавита въ связи съ разговорными уроками легко и скорѣе достигали правильного произношенія твердыхъ и мягкихъ сомнительныхъ согласныхъ“.

звукѣвъ, что особенно трудно дается чувашамъ. Въ письмѣхъ учениками при такомъ способѣ обученія *не дѣлается почти тѣхъ ошибокъ, какія дѣлались раньше*. Помимо того способъ этотъ много способствуетъ успѣшности обученія церковно-славянскому тексту.

Вообще *успѣшность* при такомъ способѣ обученія русской грамотѣ *наблюдается большая*“.

Учитель-чувашъ, питомецъ чувашской школы, послѣ 23 лѣтъ службы пишетъ:

„Не можетъ быть спора, что предложенный Буинскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ способъ обученія русской грамотѣ дѣтей-чувашъ *оказался дѣйствительно продуктивнымъ* въ смыслѣ большого количества усвоенныхъ и усвоенныхъ учениками русскихъ словъ. Дѣти пріема нынѣшняго (1912—13) учебного года, безъ сомнѣнія, запомнили и знаютъ во много разъ больше русскихъ словъ, чѣмъ знали дѣти предыдущихъ пріемовъ. Это въ особенности обнаружилось тогда, когда послѣ русскаго букваря ученики перешли на чувашскій. Читая изъ букваря чувашскія слова, дѣти очень легко переводили ихъ на русскій языкъ, а иногда дѣлали переводъ и цѣлыхъ фразъ. Этотъ пріемъ, т. е. *переводъ съ чувашскаго языка на русскій*, а не съ русскаго на чувашскій, какъ обычно дѣлается, очень благотворно вліяетъ на развитіе дѣтей-чувашъ. *Здѣсь ученики больше выкалываютъ въ сущность русскихъ словъ и, что особенно важно, постепенно привыкаютъ сознательно употреблять слова.*

Сверхъ того прохожденіе чувашскаго букваря послѣ русскаго *идетъ очень оживленно, дѣти непрерывно стараются показать свои познанія по русскому языку и въ разговорной рѣчи.*

Вообще при желаніи скорѣйшаго пріобщенія подрастающаго поколѣнія инородцевъ къ общей гражданской жизни отечества измѣненному способу, по моему, нужно отдать предпочтеніе предъ укоренившимся старымъ“.

Помощникъ только что указаннаго учителя, служащій 5-й годъ излагаетъ:

„Для разложенія рѣчи на слова давались примѣры на чувашскомъ языкѣ, а для разложенія словъ на слоги, слова русскія. Слова эти воспринимались учениками *безъ всякихъ трудовъ, заучивались съ особеннымъ интересомъ и скоро за-*

поминались. Переходъ отъ русскаго алфавита къ чувашскому былъ леговъ. Дѣти быстро освоились съ чувашскимъ чтеніемъ.

По сравненію съ прежними приѣмами ученики нынѣшняго приѣма въ отношеніи правильности письма лучше, по русскому чтенію также лучше“.

Русскій учитель, служащій 6-й годъ пишетъ:

„При такомъ веденіи занятій наблюдается, что по русски дѣти читаютъ гораздо правильнѣе, чѣмъ ученики изучавшіе раньше чувашскій букварь.

По сравненію съ учениками предыдущаго приѣма, ученики нынѣшняго приѣма и пишутъ правильнѣе, это особенно замѣтно на тѣхъ словахъ, въ составъ коихъ входятъ звуки, которыхъ въ чувашскомъ алфавитѣ нѣтъ, напримѣръ: б, ж, г, з, д, т др. Въ разговорѣ и при письмѣ эти буквы въ чувашскомъ языкѣ замѣняются буквами: п, ш, х, с, т., пишется напримѣръ: „лаша, шапа“, а выговаривается „лажа, шаба. И вотъ ученики привыкнувъ въ чувашскомъ письмѣ замѣнять однѣ буквы другими, когда потомъ переходятъ къ русскому письму, дѣлаютъ по привычкѣ, такую замѣну и здѣсь, а это нарушаетъ русскую орфографію.

Общее развитіе при такомъ способѣ обученія чувашъ, мнѣ кажется, стоитъ нѣсколько выше, ученики сознательнѣе и гораздо свободнѣе переводятъ читаемое на свой языкъ, осмысленнѣе составляютъ отвѣты на вопросы и даютъ ихъ въ болѣе правильной формѣ. Такой способъ обученія чувашъ я считаю вполнѣ возможнымъ и примѣнимым“.

Учитель-чувашъ, служащій 21-й годъ и учительница того же училища, служащая 3-й годъ, удостовѣряютъ:

„Русскій алфавитъ изучался съ 12 сентября до 8 ноября, чувашскій букварь началъ 18 января. Какъ по-русски, такъ и по-чувашски дѣти читаютъ хорошо. Письмо идетъ удовлетворительно. По сравненію съ учениками прежнихъ приѣмовъ въ нынѣшнемъ году по всемъ предметамъ пройдено гораздо больше“.

Русскіе учителя, служащіе 27-й, 9-й, 15-й, 3-й и 5-й годъ говорятъ:

„При обученіи чувашъ грамотѣ въ предложенномъ училищнымъ совѣтомъ порядкѣ на чувашскомъ чтеніи и чувашскомъ письмѣ останавливаться долго не приходится, такъ какъ оно не представляетъ для дѣтей особеннаго труда, а

это дастъ возможность удѣлить больше времени на разговоръ, русское чтеніе и письмо. *Что касается познаній, принятыхъ въ нынѣшнемъ году учениковъ, то по сравненію съ прежними приѣмами онѣ стоятъ выше прежнихъ.*

При такомъ приѣмѣ обученія дѣти меньше ошибаются на удареніяхъ и *быстрѣе усваиваютъ русскую грамоту.*

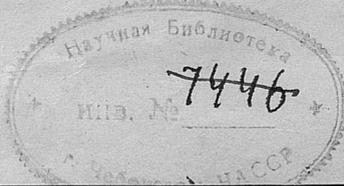
По сравненію съ учениками предыдущаго приѣма, при новомъ способѣ прохожденія русскаго алфавита *устыхи въ чтеніи и письмѣ получались удовлетворительные и способъ этотъ болѣе желателенъ.*

Докладывая о результатахъ примѣненія новаго способа обученія чувашскихъ дѣтей грамотѣ я, съ своей стороны, въ цѣляхъ достиженія возможно правильной оцѣнки отчетовъ г.г. учащихъ, имѣю обратить вниманіе на нижеслѣдующее:

1) Употреблявшійся въ школахъ букварь и первая книга для чтенія Михеева приспособлены для обученія чувашскихъ дѣтей русской грамотѣ по изученію съ ними чувашскаго букваря, почему пользоваться имъ при новомъ порядкѣ обученія было дѣйствительно трудно.

2) Молодыми учителями, по неопытности и сравнительно слабой подготовкѣ, допускались такіе методическія ошибки, которыя не только задерживали успѣшность, но могли создать новыя трудности. Обучаясь, на примѣръ, по приказанію учителя русскому чтенію „дома“, подъ руководствомъ „семейныхъ грамотѣевъ“ или товарищей, дѣти могли пріобрѣсти такой приѣмъ или навыкъ, который совершенно недопустимъ и который, слѣдовательно, пришлось бы потомъ искоренять, что сдѣлать неособенно легко и опытному учителю.

и 3) Учителя и учительницы чувашскихъ школъ, будутъ ли то питомцы или питомцы Симбирской учительской чувашской школы, или воспитанники Казанской инородческой семинаріи въ большей или меньшей степени, но всѣ безъ исключенія находятся подъ вліяніемъ мѣстныхъ священниковъ-чувашъ и иныхъ чувашскихъ дѣтелей, вслѣдствіе чего къ предложенному училищнымъ совѣтомъ способу обученія дѣтей русской грамотѣ они безусловно отнеслись недовѣрчиво, пріступили къ нему съ боязнью вызвать къ себѣ немилость сильныхъ собратій, что естественно дало далеко не тѣ результаты какіе могли бы получить. Можно съ увѣренностью сказать, что если бы перечисленныхъ и имъ подобныхъ пре-

пятствій не было, еслибъ чувашскій языкъ въ чувашскихъ школахъ подобно тому, какъ мордовскій языкъ въ мордовскихъ школахъ — являлся только пособіемъ для обученія, а не цѣлью, заповѣданное Николаемъ Ивановичемъ Ильминскимъ „прочное соединеніе инородческихъ племенъ съ кореннымъ русскимъ народомъ, путемъ образованія и прочное сближеніе инородцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ путемъ просвѣщенія“ было бы по истинѣ прочнымъ и шло впередъ больше быстрыми шагами.

244

40 кой.

Св. р. к. н. к.

